

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

ВЛАСТЬ И МАСТЬ

ЯСНО

Копье судьбы

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Власть и масть

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Власть и масть / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2009 — (Копье судьбы)

Древнейшая реликвия – Копье судьбы, по легенде, обладает невиданной силой и потому хранится под надежной защитой в австрийском музее. Тот, кто становится его владельцем, получает могучую власть. Многие в разное время пытались завладеть артефактом, среди них был и Гитлер, и Сталин... В наши дни кое-кто тоже не прочь стать всемогущим правителем. К тому же этот кто-то неплохо осведомлен: ему не нужна подделка из Австрии, он забирает оригинал, который тайно хранился в квартире старого генерала. Вор осторожен – он действует чужими руками: выясняется, что в краже ему помог генеральский сын. Тогда же всплывает и другая, более жуткая правда: новый владелец Копья – российский олигарх, который готовит покушение на президента страны...

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Сухов

Власть и масть

Часть I

БОЖИЙ СУД

Глава 1

МЕСТО ВЗРЫВА

Георгий Волостнов сидел в милицейском «уазике» и, прикладывая вдвое сложенную салфетку к рассеченной щеке, молча наблюдал за работой оперативников. Оцепили красной лентой место взрыва, потеснив на достаточное расстояние многочисленных зевак, и принялись укладывать осколки в пластиковые мешочки. Действовали грамотно, слаженно, без суеты. В каменных лицах – ни тени удивления, ни любопытства, один лишь голый профессионализм. Невольно создавалось впечатление, что с подобными вещами они сталкиваются едва ли не ежедневно.

Скоро подъехал начальник четвертого отдела МУРа полковник Сагалов. Волостнов его знал по нескольким совместным операциям, особой дружбы не завели, но друг к другу обращались накоротке.

Невысокого росточка, неизменно в джинсовом бледно-синем костюме, совершенно неотличимый в толпе, как и всякий оперативник, Сагалов мгновенно приковал к себе внимание, как только перешагнул за темно-красную ленту. Подошел к обугленной машине, поднял валявшийся в ногах осколок и тщательно принялся его рассматривать, переворачивая короткими пальцами. Передав улику одному из оперативников, вытащил блокнот и черкнул какую-то запись. Затем подсел к Волостнову и, закурив сигарету, констатировал:

– Могло быть еще хуже.

– Что ты имеешь в виду? – невесело буркнул Волостнов, отнимая руку от щеки. На салфетке оставался кровавый след.

– Под машину заложили тротил. А вот, скажем, если бы был фугас, то мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Так что тебе повезло. Могу сказать, что эти люди работали в спешке, толком даже не подготовились, хотели просто убрать тебя. Заряд был заложен под пассажирское кресло. Ведь не думали же они, что тебе самому захочется сесть за руль!

– Возможно.

– Парня жаль, – протянул полковник. – Ведь сегодня даже не его смена. Накануне ему позвонил напарник и сказал, что приехать не может, болеет мать, попросил подменить. Вот и подменил...

– Мать действительно у него болеет? – насторожился Георгий Волостнов, отерев лоб тыльной стороной ладони. На пальцах остались следы запекшейся крови. Осколки лобового стекла, разлетевшиеся во время взрыва, порезали и лоб, правда, не сильно, но кровоточащая рана неприятно досаждала.

Отмахнувшись, полковник отвечал:

– Проверяли, здесь все в порядке. Он работает давно, так что к твоему делу никакого отношения не имеет.

Голова побаливала, очевидно, все-таки получил легкую контузию, но с этим придется смириться, через какое-то время пройдет. Не открой он люк на крыше, через которую вверх

ушла взрывная волна, страшно было подумать, что бы с ним произошло, – просто разорвало бы на куски!

На пассажирском кресле сгоревшего автомобиля, наклонившись в сторону, лежало обугленное тело. Волостнова невольно передернуло от жуткой мысли, что на его месте должен был находиться он сам. Парня жаль. Случившееся можно списать на судьбу, вот только легче от этого не становилось.

– Эвакуатор вызвали?

– Скоро должен прибыть. В лаборатории машину осмотрят более детально.

Подъехало еще два автомобиля. Одна белая – «Вольво», а вот другая, с проблесковым маячком, – «Мерседес». Пустил синие блики в собравшуюся толпу и аккуратно подъехал к самой ленте, шурша по битому стеклу широкими шинами, – это начальник управления. К нему, как овцы на заклание, потянулись начальники отделов.

Но главный герой дня Георгий Волостнов – невероятный везунчик, потому что вместо гробовой доски ему досталось всего-то пара несерьезных царапин.

– Меня интересует другое, каким образом на правительственную машину им удалось установить тротил. Ведь не могли же подлянку сделать в гараже.

– Этот вопрос мы выясняем, – сдержанно отвечал полковник, равнодушным взглядом проводив коллег, зашагавших к начальству. Сагалов был настоящим профессионалом, а потому ему прощались некоторые служебные вольности. – Тебя прослушивали, на твоей телефонной трубке обнаружили маленького «клопика». Так что ты под наблюдением уже давно. Правда, не совсем понятно, что это за люди. Но подслушивающее устройство поставлено со знанием дела. Я бы даже сказал, работал настоящий специалист. Кстати, ты не можешь знать, когда именно это могло произойти?

– Даже затрудняюсь сказать, – задумался Георгий. – Чужих я к себе не пускаю, замки у меня хорошие, установлена серьезная сигнализация...

– Ты забываешь о женщинах, – напомнил Сагалов. – Такой «клопик» могла поставить любая из них.

– Хм... Тоже верно.

– Ладно, мы еще проверим эту информацию. А потом, здесь не обошлось без предательства. Тебя пасли, прослушивали твои телефонные разговоры. Ждали подходящего случая для устранения, и вот дождались. Просчитали, что тебя должны вызвать. Не исключено, что очертили даже круг водителей, которые за тобой приедут. Узнали привычки этих водителей. А у погибшего имелось обыкновение останавливаться у табачного киоска, где работала его подруга. Достаточно всего-то минуты, чтобы подложить под капот тротилую шашку, он же у нее задерживался побольше.

– Так вы уже беседовали с этой девушкой?

– Да.

– Однако много вы уже нарыли.

– Работа такая.

– А где эта женщина?

– Видишь молодую женщину в светлом плаще?

Посмотрев в указанную сторону, Волостнов через плотную толпу собравшихся разглядел девушку с хрупкой фигурой: плечи худенькие, как у подростка, не вполне оформившаяся грудь, вот только поворот головы невероятно знакомый и необычайно трогательный. На какое-то время на второй план отошла головная боль, все более досаждавшая, Георгий позабыл даже про взрыв, все его внимание было приковано к этой девице.

Стараясь не показать нахлынувшего волнения, Волостнов произнес:

– Вижу.

– Вот это она и есть.

- У них что... Были какие-то отношения?
- Говорит, что собирались пожениться.
- Ах, вот оно что. Тогда понятно.
- Что с тобой? Тебе плохо?
- Пройдет. Пустяки. Она мне напомнила кое-кого...

Будто почувствовав к себе интерес со стороны Волостнова, девушка шагнула в сторону, мгновенно спрятавшись за спины подошедших людей.

Несмотря на позднее время, народу здесь было много. На месте криминального события старались отметить все ведущие телеканалы города и, перебивая друг друга, стремились опросить очевидцев случившегося. Слава богу, что на пути к его машине, в которой он находился, стоял кордон из четырех омонцовцев, а то отражать кавалерийские наскоки прессы пришлось бы трудновато.

– А сам что ты думаешь по этому поводу? – спросил полковник. – А то все больше молчишь. Тебе ведь как никому другому должно быть понятно, за что тебя хотят убрать.

Волостнов хотел было без утайки рассказать о событиях последних дней, поделиться невеселыми сомнениями, но помешал взгляд полковника, с откровенной пытливостью застывший на кровоточащей ране.

Лучше всего допрашивать на месте преступления, об этом скажет любой оперативник. Злоумышленник, терзаемый раскаяниями, может признаться в правонарушениях, а свидетель, под впечатлением случившегося, обычно рассказывает о злодеяниях в красках. Пройдет какой-то день-другой, и он не будет помнить даже половину из того, что поведал под впечатлением. А что, если полковник, не доверяя ему, просто допрашивал? Пришедшая мысль была неприятна.

– Пока ничего сказать не могу, надо собраться с мыслями.

– Тоже верно. Но ты все-таки подумай как следует, может, этих подлецов нужно брать сейчас. Завтра уже может быть просто поздно. Ведь кто-то им покровительствует. Скажу откровенно, такое дело могут и замять. Не все здесь так просто, как кажется на первый взгляд, уж ты поверь моему оперативному чутью. И советую тебе побережись. Тебя кто-то очень сильно не любит.

– Пойду, – скомкав салфетку, Волостнов сунул ее в пепельницу. – Надо немного отлежаться. Ну и подумать.

Выбравшись из машины, Волостнов только сейчас почувствовал, как сильно устал. У самой ленты его слегка качнуло, – не хватало еще растянуться на виду у начальства! Не оглядываясь, он вышел за огражденную территорию и потопал по тротуару в сторону дома.

Глава 2 ПРЕДАННЫЙ ВАССАЛ

1276 год, 20 апреля

О том, что Фридрих Второй Барбаросса не умер своей смертью, в народе говорили и прежде. Германцы дожидались его появления, как евреи ждут Мессию. От баронов до крестьян все мечтали о том, что Фридрих, возникнув из небытия, объединит разрозненные княжеские земли в единое государство.

Порой до императора Рудольфа Габсбургского доходила молва о том, что в разных концах Германии появляются люди, выдающие себя за почившего императора. Подобные слухи опасны тем, что способны всколыхнуть чернь, а уж она-то не знает удержу. Так что к таким вестям король относился весьма серьезно. Посланные им отряды истребляли изменников и дважды привозили головы самозванцев в корзинах. Но то было в пределах империи, где он был полновластный хозяин. В этот раз Лжефридрих объявился неподалеку от Константинополя, в замке Манцикерт. Выдавал себя за короля бродячий монах отец Григорий.

Отчего-то эта новость встревожила Рудольфа не на шутку и, посоветовавшись с министрами, он под видом странников отправил в Константинополь четырех лазутчиков разузнать о странном старце.

Вернулся лишь один, барон Паппенхайм.

Явившись во дворец в грубом рубище и босым, отпрыск древнего рода не сразу был узнан и оттого грубо выставлен со двора стражей. Простояв у ворот до самого вечера, подивив невиданной смиренностью всякого, он был признан канцлером, а еще через несколько минут о его прибытии было доложено императору.

Рудольф Габсбургский пожелал видеть посланца немедля, едва о нем было доложено. Глянув на некогда блистательного рыцаря, король невольно поморщился, не сумев сдержать накатившие чувства. От прежнего великолепия осталась только оболочка, запечатанная в старое рубище. Видно, под Константинополем с ним многое приключилось, если он отважился предстать в таком виде.

Стараясь не смотреть на посуровевшее лицо императора, барон Паппенхайм, преклонив колено перед его величеством, заговорил встревоженным голосом:

– Великий король, трое моих спутников, уверовав в силу Лжефридриха, остались при нем и теперь являются самыми яркими его сторонниками.

– Какими же посулами самозванец сумел уговорить их отречься от клятвы, данной королю?

– Он говорил, что на него сходит дух короля Фридриха, и был так убедителен в своих рассказах, что они поверили. А кроме того, он очень похож на Барбароссу. Я даже сделал его рисунок.

Король Рудольф невольно скривился:

– Он у тебя с собой?

– Я специально взял его на встречу.

– Покажи.

Развязав сумку, барон достал небольшой холст, на котором был изображен немолодой человек с рыжей бородой.

– А много там таких, кто верит... этим бредням? – вернул король холст, стараясь не показать охватившую его тревогу.

– Каждый день к нему прибывают десятки людей...

– У них есть оружие?

– Немало и таких, что приходят и с оружием.

– Хм, если дело так пойдет и дальше, то он сумеет собрать вокруг себя целую армию... Ты, видно, устал с дороги. Ступай, отдохни, мои слуги выделяют тебе покой.

– Слушаюсь, мой король, – поднялся барон, понимая, что предложение погостить больше напоминает арест.

Барон удалился, но сказанное зародило в душе Рудольфа Габсбургского нешуточную тревогу.

Станным выглядело еще и то, что рисунок поразительным образом походил на Фридриха Барбароссу. Вот только вместо рыцарских лат он был облачен в монашескую рясу, и оставалось лишь удивляться чудачеству природы, гораздой на подобные изыски.

Проворочавшись без сна до трех часов ночи, император Рудольф повелел позвать к себе в опочивальню маркизу Франсуазу Перек, являвшуюся официальной фавориткой императора уже второй год. Высокая, красивая, с великолепной фигурой, невероятно искушенная в любви, она всегда находила средства, чтобы отвлечь Рудольфа от навалившихся переживаний. Пикантность ситуации заключалась в том, что до дверей королевской спальни маркизу непременно провожал законный супруг Жак Перек и, целуя ее на прощание в выпуклый лоб, убедительно советовал не расстраивать его величество.

Столь же терпеливо маркиз Жак Перек дожидался выхода жены из спальни и всякий раз беззастенчиво интересовался, сумела ли она выполнить государственный долг. Томно опущенные глаза неизменно свидетельствовали о том, что Рудольфу Габсбургскому не в чем будет упрекнуть маркиза при встрече.

Столь невиданная преданность маркиза Перека позволила ему значительно расширить земельные владения, а с недавнего времени он даже числился в лучших друзьях короля. А кроме того, некоторая вольность супруги позволяла ему иметь собственные крохотные слабости: в пристрое рыцарского замка он поселил для увеселения трех молоденьких крестьянок.

Маркиза и вправду была весьма искусна в любви. Ее фантазии простирались столь широко и оказывались так беззастенчивы, что, находясь на вершине блаженства, король Рудольф Габсбургский всякий раз со страхом думал о том, что с такой высоты можно сорваться только в самое пекло.

А вот там огненная геенна!

Маркиза появилась немедленно. Склонившись в полупоклоне, она произнесла:

– Ваше величество, я к вашим услугам.

Не тратя время на долгое вступление, он повелел маркизе снять платье, а после того, как она разделась, поманил ее к себе обеими руками.

В этот раз Франсуаза превзошла себя. Король, растревоженный ласками маркизы, так громко кричал, что переполошил дворцовую стражу. Бренча тяжелыми алебардами, они вторглись в покои короля и, заметив прыгавшую на нем маркизу, неловко ретировались, пряча в отвислые усы довольные усмешки.

Несколько часов кряду, уложив голову на живот маркизы, Рудольф проспал, обессиленный. Проснувшись, он почувствовал себя необыкновенно счастливым. Теперь он знал, что ему следовало предпринимать.

Поднявшись, он, не стесняясь наготы, под пристальным взглядом маркизы направился к зеркалу. Покрутился немного вокруг него и нашел, что сложен весьма недурно. Возможно, что некоторые найдут его слегка располневшим, но лишний вес легко убирается усиленными упражнениями с мечом.

Странно, но его любимая нижняя рубашка, расшитая итальянским жемчугом и шелком, валялась под кроватью неопрятным комком. Король даже не помнил, в какой момент он сорвал ее с тела (вот что значит настоящая страсть!). Затем накинул на себя верхнее платье, котту, едва достигавшую щиколоток. Рукавов у котты не было, помнится, вчера вечером вместе с

кошельком он подарил их одной из своих возлюбленных, белокурой зеленоглазой красавице, вот только никак не мог вспомнить ее имя.

Достав рукава фиолетового цвета, он пристегнул их к верхнему платью. А вот теперь можно надеть и парадное сюрко с эмалевыми застежками. Три самые верхние, украшенные сусальным золотом, были для него особенно дороги. На них красивым почерком в стихотворной форме были выведены признания в любви. С одной из этих застежек, на которой был укреплен крупный изумруд, он не расставался с самого отрочества: подарена она была кухней его матушки, ставшей не только его первой женщиной, но и большим опытом взрослой жизни. Даже сейчас, перешагнув сорокалетний рубеж, женщина не потеряла своего очарования, и Рудольф всякий раз смущался, когда сталкивался с ней в длинных коридорах дворца. Невольно радуясь и тому, что в пору взросления ему повстречалась именно такая опытная и мудрая женщина.

В этой даме было немало загадочного, если вокруг нее по сей день продолжали увиваться восемнадцатилетние любовники.

Застегнув рыцарский пояс, император вышел из спальных покоев. Маркиз Перек, будто бы ожидавший короля, согнулся в глубоком поклоне. Подумав, Рудольф Габсбургский протянул руку для поцелуя, нацепив одну из самых любезных улыбок. Даже с рогносцем-мужем следует быть предупредительным, в конце концов, он его вассал и при всех своих слабостях весьма неплохой рыцарь.

Почувствовав на коже прикосновение влажных губ, король едва не передернулся от отвращения.

– Франсуаза выйдет попозднее, она что-то неважно себя чувствует, – в голосе короля было много сочувствия.

Голова маркиза склонилась ниже, едва не касаясь прядями мраморного пола:

– Я ее обожду.

– Как вам будет угодно, – сдержанно отвечал король, рассмотрев на самой макушке вассала небольшую проплешину.

Теперь он знал, что ему следует предпринять.

– Вы, кажется, из-под Константинополя, маркиз?

– Да, мой дед был оруженосцем у Фридриха Второго. После его смерти он не пожелал возвращаться на родину. Там я родился... Мне было уже пятнадцать лет, когда мой отец стал служить при дворе вашего батюшки.

– Я это помню, – сдержанно отозвался король.

Теперь он стоял в полупоклоне, не смея глянуть в темные глаза короля. Маркиз Перек был высок, широкой кости, пригож собой, избалован вниманием многочисленных фрейлин, столь жадных до любовных приключений. По двору блуждали упорные слухи о том, что он был не менее изобретателен в любви, чем его супруга.

– Посмотрите на меня, маркиз, – пожелал король.

Медленно, как если бы ему стоило немало труда, маркиз Перек приподнял подбородок. Рудольф Габсбургский увидел учтивое и красивое лицо вассала, – его тонкие красивые губы с коротенькими черными усиками разошлись в любезной улыбке. А вот в глубине зрачков отчетливо проступала душевная боль.

Как надо было любить своего короля, чтобы закрывать глаза на баловство законной супруги. Рудольф подумал о том, что более преданного человека ему не отыскать во всем королевстве.

Решение пришло мгновенно:

– Вы хотите послужить мне, маркиз?

– Разве я не доказал своей службой, что моя судьба и жизнь всецело принадлежит вашему величеству?

В словах вассала послышался легкий упрек. Что ж, не стоит придавать сказанному значение, в конце концов, маркиз Перек имеет на это право.

– Пройдемте со мной в кабинет, – предложил король, уводя маркиза по коридору.

Стража, стоявшая у дверей, отступила, почтительно пропуская короля и его вассала.

Кабинет Рудольфа отличался аскетизмом. Суровую обстановку смягчал разве что широкий ковер, лежавший в самом центре помещения. Напротив двери, на трех высоких ступенях, стоял огромный дубовый трон. Когда-то с него великий Фридрих Барбаросса управлял своей империей. У самого окна висел его портрет в полный рост, написанный придворным художником. Темные бордовые портьеры, прихваченные с обеих сторон ламбрекенами, мешали проникать солнечному свету в глубину комнаты, и лицо Фридриха Барбароссы, остававшееся в тени, теперь выглядело разгневанным. Он как будто был высечен из одного куска металла. Хитрый, умный, державший в плену самого римского папу, король сумел приблизиться в своей империи к абсолютной власти, и вот уже полвека являлся своеобразным ориентиром для подавляющего числа потомков.

Король Рудольф Габсбургский, подставив под взгляд маркиза прямую спину, уверенно поднялся по высоким ступеням к трону. Привычно сел, подправив рукой верхнее платье, а сильные пухлые ладони мягко успокоились на высоких подлокотниках. Пальцы хищно вцепились в самый край.

Столь сильные руки внушают уважение, вряд ли они упустят дарованную власть.

Фигура короля оказалась на границе света и тени, только лицо, заметно усталое, было подсвечено лучами восходящего солнца. Маркиз Перек невольно перевел взгляд на портрет Фридриха Второго, отмечая невероятное сходство короля с его предком, полное впечатление того, что славный Барбаросса шагнул в королевский кабинет: высокий слегка выпуклый лоб придавал его лицу благородство; рот плотно сжат (такие губы могут быть только у человека, наделенного немалой душевной силой), а крупные глаза, взиравшие на собеседника прямо, невольно парализовывали чужую волю.

И вместе с тем во внешности императора присутствовала какая-то тайна. Надо полагать, что в королевстве нашлось бы немало женщин, желающих сорвать с его лица покрывало загадочности.

На какое-то время король Рудольф, вдруг превратившись в статую, молча сверлил вассала пронзительным взглядом. Маркиз, чуток опустив голову, наблюдал за пальцами короля. Вдруг пришедшие в движение, они то разжимали подлокотники, то вдруг вновь стискивали их с еще большей силой.

Может, затянувшееся молчание – очередная проверка перед серьезным делом? Маркиз, стараясь не встретиться с королем взглядом, приподнял голову.

– Маркиз, – наконец произнес Рудольф, заставив Перека распрямиться.

– Да, ваше величество.

– Вы один из немногих людей в королевстве, которым я доверяю всецело.

– Я всегда был вам предан, ваше величество.

– Мне это известно, именно поэтому я хотел бы с вами поговорить откровенно. У меня есть ощущение, что на окраине империи зреет государственный заговор... Уже который год подряд мое королевство преследует дух Барбароссы. – Маркиз слегка кивнул, давая понять, что разделяет опасения короля. – То в одном конце империи, то в другом объявляются его двойники. – Рудольф Габсбургский приосанился, сделавшись еще более величественным. – И каждый из самозванцев грозит, что сбросит меня с трона, чтобы взойти на него.

Следовало как-то утешить короля, и маркиз нашелся:

– Это невозможно, ваше величество, вы занимаете трон по воле божьей.

Левый уголок рта благосклонно дрогнул.

– То же самое говорят и самозванцы. Беда в том, что народ в своем большинстве глуп и невежествен, им можно внушить все, что заблагорассудится. Сейчас один из самых заклятых моих врагов находится неподалеку от Константинополя, в замке Манцикерт. Вокруг него собираются сторонники. Уверен, что не пройдет и двух месяцев, как там окажется целое войско. Вот тогда он двинется к Вене!

– Ваше величество, ему не сладить с вами.

– Маркиз, у меня много недоброжелателей. Его могут использовать в своих целях мои враги.

– Я готов ко всему, ваше величество.

– Принесите мне его голову в мешке! Я хочу взглянуть на того человека, кто посягнул на королевскую власть.

Королю можно многое простить, но только не унижение, – он рыцарь, а не палач! Его дело – турниры и честные поединки. Одно дело схлестнуться с достойным соперником в равном бою и совсем иное – резать зачинщика спящим в постели.

Вот оно – главное испытание, через которое следовало перешагнуть. Брови маркиза Перека недовольно изогнулись и сошлись на узкой переносице. Королю следовало отказать.

– Я сделаю все, что в моих силах, ваше величество, – поспешно заверил маркиз.

– Но сначала нужно опозорить его, пусть каждый узнает, что он мошенник и плут.

– У вас есть какой-то план, ваше величество?

Губы короля мстительно изогнулись.

– Имеется. Самозванец утверждает, что в него вселился дух Фридриха Барбароссы. А раз так, то ему должно быть известно, где находится Священное копьё, пропавшее во время Второго Крестового похода. Пусть он укажет это место!

Голова маркиза склонилась в примирительном поклоне:

– Я сделаю все что нужно, ваше величество. Сначала я обещаю ему, а потом принесу вам его голову.

На лице короля промелькнуло нечто похожее на облегчение, а может, ему все-таки это показалось?

– Я не сомневался, маркиз, в вашей преданности. Остановитесь в замке барона Вольфгера Криста, он надежный человек, я ему доверяю.

– Я готов выполнить любое распоряжение, ваше величество.

– Но прежде чем отправиться за головой изменника, я бы хотел, чтобы вы выполнили еще одну мою просьбу.

Спина у Рудольфа Габсбургского была распрямлена, подбородок горделиво вскинут. С каких это пор императоры обременяли вассалов просьбами? Неужели Переку следует пройти еще через одно испытание?

– Как вам будет угодно, ваше величество.

– В соседней комнате находится один из моих подданных. Вчера вечером он вернулся из-под Константинополя и утверждает, что этот самозванец похож на Фридриха Барбароссу гораздо больше, чем я. – Губы Рудольфа Габсбургского обиженно скривились. – Это тот случай, когда не всякая правда может понравиться королю. Вместе с ним я отправил еще троих надежных вассалов. Не знаю, что там произошло... но они предпочли перейти в лагерь этого самозванца. Теперь поймите меня, маркиз, как я могу доверять такому человеку? – По губам короля пробежала легкая волна. – Может, он явился в мой дворец, чтобы убить меня?

– Как я могу помочь вам, мой король?

– Я бы хотел, чтобы вы придушили его. – Вытащив из кармана платья шелковый шнур, король продолжил веселым голосом: – Я даже припас для вас подходящее орудие.

Маркиз Перек, глубоко запрятав страх, рассмеялся. У королей шутки, от которых кровь стынет в жилах. К ним тоже следует привыкнуть. Только протянутая рука, с которой свисал длинный желтый шнур, свидетельствовала о том, что государи шутят серьезно.

Вот так король поступает с преданными вассалами. Сначала он делает их своими сторонниками, а потом превращает в обыкновенных палачей. Брови маркиза недовольно вскинулись. Но уже в следующее мгновение рука потянулась за протянутым шнуром, – приняла бережно, как желанный дар.

– Ваше величество, я сделаю все, что от меня требуется. Где находится изменник?

Маркиз Жак Перек намотал шнур на кулак, почувствовал, как шелк охотно впивается в мякоть, доставляя телесные неудобства.

– Он в соседней комнате. Тебя проводят до его покоев. Сейчас он спит, так что тебе не сложно будет исполнить... просьбу короля.

– Я готов, ваше величество, – удивился маркиз собственной решимости. Вот только никак он не мог разобраться в собственных ощущениях: это было падение, из которого не бывает возврата, или доверительное расположение короля?

– Маркиз, вы не спросили имени человека, который должен умереть?

Крохотное движение головой, которое еще более усилило его сходство с Фридрихом Барбароссой.

– Кто же он, ваше величество?

– Это барон Паппенхайм.

Прошло долгих несколько минут, прежде чем застывшее лицо маркиза размякло и приняло прежнее любезное выражение.

– Ах, вот оно что, не ожидал, – тихо и растерянно произнес Перек.

Рыцарь Паппенхайм некогда был любовником маркизы.

Вот как платит за верную службу король, он разрешает лично душировать любовников неверной жены. Некоторая плата за преданность. Прежде жена короля не отличалась особой разборчивостью, и поговаривали даже, что она предпочитала пажей и конюхов, так что Рудольф Габсбургский прекрасно должен понимать, что чувствует обманутый муж, когда его любимая женщина находится в объятиях другого.

Губы маркиза невольно дрогнули, а ведь когда-то он думал о том, с какой радостью накинул бы удавку на шею любовников своей супруги, завязал бы их в единый узел и скинул бы в Дунай. Похоже, что мечтам суждено осуществиться.

Маркиз Перек вдруг поймал себя на мысли, что затянул бы шелковый шнур на шее еще одного соблазнителя... Совершенно не пугаясь пришедших мыслей, он принялся отыскивать на шее короля подходящее местечко для веревки.

О господи! К чему только не приведут грешные мысли!

А что, если король способен читать грешные думы?! Стараясь придать своему лицу как можно более благоприятное выражение, маркиз Перек произнес:

– Я сделаю это с большим удовольствием.

– Читайте, маркиз, это мой вам подарок.

– Спасибо, ваше величество.

– Стража! – гаркнул король. А когда в тронном зале возникли два рыцаря, звякнув о мраморный пол алебардой, приказал: – Отведите маркиза к нашему гостю... У него имеется для барона очень важное сообщение.

– Слушаюсь, ваше величество!

Брякнув грудой железа, развернулся, колыхнув при этом факельный огонь, и копоть, сорвавшаяся с длинных красных языков, неровным черным облачком воспарила к сводчатому куполу, где и осела узорчатым пятном на сером потолке. Стражник, выбивая рваную мелодию

золотыми шпорами, заторопился в соседнюю комнату. Остановившись перед массивной дубовой дверью, он терпеливо подождал поотставшего маркиза.

– Он за этой дверью, маркиз, – сочувствующим голосом произнес рыцарь.

Маркиз Перек невольно перевел взгляд на стражника, – его встретило непроницаемое лицо. Знает ли он о приказе короля?

– Хорошо.

– Король приказал подождать вас. А потом, когда все закончится, я должен вывести вас из дворца. Так нужно.

Где-то под сердцем у маркиза неприятно сжалось. Выходит, что все-таки знает. Голова маркиза учтиво склонилась:

– Как вам будет угодно, сударь. Я не разочарую его величество.

С минуту маркиз стоял перед порогом, как если бы набирался решимости, после чего потянул дверную ручку. Легко повернувшись на петлях, высокая дверь распахнулась, как если бы ожидала появления маркиза. Ступив за порог, Жак Перек осмотрелся. В комнате было сумрачно: окна занавешены тяжелыми гардинами; у входа стоял старинный грубоватый секретер, на котором в золоченом канделябре догорала короткая свеча, подчеркивающая царивший полумрак; у противоположной стены за низким темно-бордовым балдахином просматривались очертания высокой кровати.

Маркиз Жак Перек глубоко вздохнул. За спиной неслышно закрылась дверь.

Каково это – быть в роли палача? С минуту маркиз стоял у порога, пытаясь разобраться в собственных ощущениях и отыскать в них хотя бы нечто, похожее на душевный трепет или отголоски того, что называют божьим гласом. Но ничего не почувствовал, если не считать гадливого осадка мести, а там, где некогда находилась совесть, теперь лежали неряшливые куски замерзшего льда.

Чувство ревности, которое, казалось бы, уже давно подзабылось, всколыхнуло самые глубокие пласты его душевных переживаний, подняв застоявшуюся муть.

Удержав стон, уже готовый было вырваться наружу, маркиз Жак Перек шагнул вперед.

Подшвы сапог утонули в густом ворсе персидского ковра. Приблизившись к ложе, Перек приподнял балдахин: на высокой пуховой подушке, слегка запрокинув голову, безмятежно посапывал барон Паппенхайм.

Последний раз они повстречались год назад на рыцарском турнире, устроенном королем в честь отъезда своих любимцев в Константинополь. Тогда барону Паппенхайму удалось выиграть турнир, и в знак признания его мастерства он получил из рук самой королевы белый платок.

За прошедшее время внешность барона приобрела еще большую мужественность, теперь его красивое лицо украшала короткая ухоженная бородка, волосы отросли, придав ему еще большее очарование, а разметавшиеся по подушке локоны напоминали извивающихся змей. В какой-то момент маркиз даже приостановился в суеверном ужасе. Вдруг губы барона дрогнули в легкой улыбке, – наверняка в этот момент ему снилась любимая женщина. Может быть, даже маркиза Франсуаза. Теперь ревность была совсем невыносимой: «Интересно, у барона был столь же безмятежный вид, когда он посапывал под боком Франсуазы?»

Маркиз смотал с ладони шнур. Свесившийся конец заколыхался, цепляя длинной бахромой атласное одеяло спящего. Так раскачивается маятник, отсчитывающий последние мгновения бытия. Горло барона было совсем близко.

Маркиз слегка тронул за плечо барона, давая ему возможность пробудиться. Хотя Паппенхайм и обесчестил его рыцарское имя, но он все равно оставался доблестным рыцарем, прославившимся в походах, и не должен быть задушен во сне.

Проснувшись, барон с удивлением взирал на подошедшего маркиза, пытаясь отделить явь от грез. В какой-то момент он рассмотрел в лице маркиза нечто такое, что заставило

его расширить глаза от ужаса. Приподнявшись, он натолкнулся горлом на упругий шелковый шнур, который в мгновение захлестнул его шею. Маркиз Перек, скрипя зубами, принялся затягивать шнур, с наслаждением наблюдая за тем, как он безжалостно врезается в кожу барона, оставляя на ней глубокие полосы. Еще какое-то время Паппенхайм, хрипя, отчаянно боролся за жизнь, пытаясь крепкими ладонями дотянуться до убийцы, но затем огонек в глубине радужки померк, а руки, сжимавшие край покрывала, разжались, и он затих, уставившись неподвижными зрачками на маркиза.

Размотав с шеи шнур, Перек брезгливо отшвырнул его под кровать. Правосудие состоялось. Кто же будет следующим?

Открыв дверь, он застал у самого порога стражника, оперевшегося о стену. Маркиз натолкнулся на его безучастный взгляд. Во внешности маркиза не было ничего такого, что могло бы вызвать у него интерес, – на его веку встречались и более поразительные вещи. От души немного отлегло, – тайное убийство не самое похвальное ремесло для рыцаря, но вряд ли стражник кому-нибудь об этом расскажет, – король подбирает для своей охраны самых преданных вассалов.

Стараясь придать лицу озабоченный вид, маркиз произнес:

– Передайте королю, что барон очень крепко спит.

Легкий кивок и слегка надменная улыбка – быть тайным палачом его не заставит даже сам король.

– Хорошо, я так и поступлю, – с холодной учтивостью отвечал стражник и, потеряв интерес к маркизу, затопал далее по коридору, негромко позвякивая золотыми шпорами.

Глава 3 ЛЖЕФРИДРИХ

1276 год, 10 сентября

К приказу короля маркиз Перек отнесся с подобающей серьезностью: уже через месяц он собрал небольшой, но боеспособный отряд из рыцарей и оруженосцев и, спросив благословения епископа, тронулся в неблизкий путь к Константинополю. Уже через две недели дороги они столкнулись с многочисленным отрядом сарацинов, в сражении с которым полегли пять доблестных рыцарей. Еще два оруженосца утонули во время переправы через горную реку, а один молодой виконт умер от укуса гюрзы во время кратковременной стоянки.

К замку Манцикерт подошли через три недели. Пренебрегая крепостными стенами, маркиз Перек повелел разбить лагерь у небольшой горной речки, – рассказывают, что близ этого места погиб великий Фридрих Барбаросса. В этот же вечер он пригласил к себе трех бывших баронов, отважившихся поменять рыцарский пояс на рясу странствующих монахов.

Шагнув в шатер, они смиренно застыли, перекрестившись на огромное распятие Христа, висевшее в самом углу. Маркиз, сидящий в походном кресле, невольно подивился их непохожести. Монах, застывший в центре, с длинным уродливым шрамом через всю левую щеку, был из знатного германского рода, некогда герой войны с сарацинами, а ныне ревностный аскет. Слева возвышался польский рыцарь. Не наклони он голову, так и уперся бы макушкой в потолок. Прежде он был известен как отчаянный поединщик и непобедимый боец на королевских турнирах. Третий, совсем еще юноша, принадлежал к Габсбургскому дому. Небольшая бородка, клочками пробивавшаяся на худых щеках, только подчеркивала его юный возраст, а на гладкий лоб небольшим завитком спадала желтая прядь. Вот они: огонь и пламя, разрушение и созидание, стихия и покой, столь непохожие в жизни, теперь стояли рядом, едва касаясь плечами друг друга. Что их объединяло, так эта смиренность позы, с которой они слушали посланника императора. Но в молчании чувствовалась скрытая непокорность, которой так славны странствующие монахи. Могут развернуться, не дослушав наставления, и потопают в свою сторону, ни на кого более не глядя.

– Чем вас прельстил этот Лжефридрих?

– На этот вопрос трудно ответить одной фразой, маркиз, – ответил самый старший из них.

– Ведь он мошенник! Он выдает себя за короля, но все мы знаем, что славный император Фридрих Барбаросса был доставлен мертвым со Святой земли на родину и похоронен в Шпейерском кафедральном соборе.

– Отец Григорий никогда не выдавал себя за короля, он всего лишь говорит о том, что в него вселилась душа короля Фридриха Барбароссы, – приподнял голову германский рыцарь.

Получилось чутко нервно, как если бы монах бросал вызов королевскому посланнику. Маркиз слегка нахмурился, – не вызывать же монаха на поединок!

– Вы бросаете тень на королевский дом, неужели вы забыли о том, что служите Рудольфу Габсбургскому, императору Священной Римской империи?

– В первую очередь мы служим Богу, а он выше любого из королей, – достойно отвечал юноша.

– Вижу, мне вас не убедить, – развел руками маркиз. – Вы сами выбрали свою судьбу. Не думаю, что она будет для вас сладкой.

– Нам другой не нужно, – отвечал высокий рыцарь. – Значит, такова воля Господа.

Голос у него оказался необыкновенно низкий: ветром прошелся по широкому шатру, невольно потревожив пламя свечей.

Следовало доказать им обратное.

– Если в него и вправду вселилась душа Фридриха Барбароссы, тогда он должен знать, куда делось Копье судьбы, которое он повелел спрятать одному из своих оруженосцев незадолго до своей смерти, – улыбнулся маркиз.

– Мы передадим ему ваши слова, – пообещал аскет. – Думаю, что он сам тебе скажет, где находится Копье судьбы. А теперь нам нужно идти, подходит время молитвы.

Перекрестившись на распятие, монахи, не сказав более ни слова, вышли из шатра.

* * *

Третью ночь подряд отца Григория мучил один и тот же сон. Монаху снился император Барбаросса. Он выглядел точно таким же, каким его запечатлел придворный художник, – сейчас этот портрет висел в Тронном зале короля Рудольфа, – невероятно крепкий старик в рыцарских латах, сжимавший обеими ладонями рукоять меча. Лицо у короля было худым, но не изможденным, такое обычно бывает у людей, привыкших к аскетизму. Узкий, заостренный подбородок украшала рыжая густая борода, спадавшая на грудь.

Неожиданно в кустах возник огромный бурый медведь, который, оскалив пасть, готов был броситься на ничего не подозревающего короля. Отец Григорий, в облике рыцаря, самоотверженно устремился на выручку Фридриху, но, к своему ужасу, не мог сделать даже малейшего шага, – его ноги вдруг отяжелели, как если бы превратились в корни и вросли в каменную твердь.

Наконец его крик был услышан, и Фридрих Барбаросса, подняв высоко меч, направился прямо на оскалившегося медведя. В какой-то момент показалось, что зверь бросится на короля: встав на задние лапы, он намеревался обрушиться на него всей мощью своего тела, но потом вдруг попятился и, развернувшись, бросился прочь от наступающего короля.

Дважды отец Григорий просыпался в холодном поту именно на этом самом месте и всякий раз с облегчением думал, что это всего лишь сон.

В третий раз отец Григорий решил досмотреть сон до конца. Он осознавал, что не увидел в нем чего-то главного, что могло бы определить его дальнейшие действия, – сон должен быть вещим.

И не ошибся...

Король улыбнулся своему ненамеренному спасителю и неторопливой широкой поступью направился в его сторону. Сняв с себя широкий кожаный ремень, он протянул его рыцарю, упавшему перед королем на колени.

– Возьми, это тебе за верную службу.

– Спасибо, ваше величество, – принял монах королевский пояс.

– У меня к тебе есть еще одна просьба.

– Все что угодно, ваше величество.

– Не удивляйся, что я обращаюсь именно к тебе, но именно ты единственный способен ее выполнить.

– Я сделаю все, что вы повелеваете, чего бы мне это ни стоило.

Король едва заметно кивнул:

– Я не сомневаюсь в твоей преданности, сын мой. Встань. – Отец Григорий поднялся. – Ты знаешь, что после Второго Крестового похода Копье судьбы пропало.

– Да, мне известно об этом, ваше величество.

– Я тебе могу сказать, где оно спрятано. После того, как я погиб, на нас напали сарацины, и мы потерпели поражение. Незадолго до моей смерти во мне проснулся дар предвидения, и я понял, что если я не спрячу Копья судьбы сейчас, то его захватят сарацины. Они всегда охотились за ним. Будут охотиться и впредь!

– Где же вы его спрятали, ваше величество?

– Под стенами Дозорной башни замка Манцикерт. Запомнил?

– Да, ваше величество.

– Как только ты его отыщешь, так тотчас передашь посланнику короля. Копье должно вернуться в королевский дом.

Ответить отец Григорий не успел. Очертания короля поблекли и стали размываться, как если бы он шагнул в туман, а потом и вовсе растворились, оставив после себя только серое облачко.

Отец Григорий проснулся в подавленном настроении. Некоторое время он смотрел в сводчатый потолок, пытаясь осмыслить сновидение, а потом, облачившись в рясу, позвал послушника.

На зов монаха явился худощавый высокий юноша. Образа он был благочинного, характера смиренного, трудно было поверить в то, что в его жилах течет кровь непримиримого врага сарацинов иерусалимского короля Гвидо де Лузиньяна. После падения Иерусалима рыцарь востока Салах-ад-дин держал в цепях иерусалимского короля и отпустил его восояси только после того, как тот дал ему слово, что более никогда не поднимет оружия против мусульманского мира. Однако и года не прошло, как прославленный рыцарь Гвидо де Лузиньян нарушил данное слово и вторгся на территорию сарацинов с новым воинством.

Монах пристально всмотрелся в смиренного послушника: а что, если этот юноша унаследовал вместе с доблестью и дурную кровь? Никогда не знаешь, что следует ожидать от человека, который не сдерживает своих обещаний.

– Вы меня звали, святой отец?

– Да, сын мой, я хотел спросить у тебя, не прибыл ли к нам королевский посланник?

Рот юноши от удивления приоткрылся, – вот сейчас в него влетит большая черная ворона, да и угнездится за зубом мудрости. Весь последний год юноша старался походить на монахов, был столь же сдержанным и невозмутимым. В какой-то мере ему это даже удавалось, но стоило подивить очередным прорицанием, как через напускную холодность просматривалась откровенная юношеская непосредственность.

– Но откуда вы знаете об этом, святой отец? Посланник короля со своим отрядом подъехал недавно и тайно. Об этом еще никто не знает.

Монах Григорий слегка улыбнулся. Ему совершенно не нужно знать об этом, достаточно лишь на полчаса смежить глаза, чтобы явилась истина.

– Я просто это знал, мой сын, – не стал вдаваться в подробности монах. – Ты ведь уже успел с ним поговорить?

Юноша часто закивал, – от этого старца ничего не скроешь.

– Да. Он вызвал нас к себе в расположение, и мы с ним разговаривали около часа.

– Вы разговаривали с ним о Копье судьбы, которое пропало сразу после смерти Фридриха Барбароссы, – продолжал монах.

– Верно. Он сказал, чтобы...

– Не продолжай, я знаю и так. Он сказал, что если я такой святой, то почему бы мне тогда не найти потерявшееся копьё.

Юноша пал в ноги монаху.

– Так оно и было, отче! Он не поверил, что вы святой человек. Докажите ему это!

Монах лишь печально вздохнул:

– Я не собираюсь ничего доказывать. Жизнь каждого из нас красна праведными делами... Впрочем, я сделаю так, как он говорит. Копье нужно вернуть христианскому миру. А теперь проводи меня к посланнику.

Уже выходя из комнаты, монах вдруг увидел на скамейке, стоящей у самого изголовья, пояс с королевским гербом Фридриха Барбароссы. Не далее как вчера вечером этот ремень ему передал в дар странствующий монах. В краткой истории он поведал о том, что этот ремень

достался его предку за доблесть. «Чудны твои деяния, господи!» – только и подумал монах, шагнув за порог.

* * *

Едва монах вошел в большой шатер королевского посланника, как по тонким губам маркиза невольно пробежала лукавая улыбка. Гость не впечатлял: над головой отсутствовал ореол, и не было ровным счетом ничего такого, что могло бы указывать на его святость. Даже внешне отче выглядел весьма заурядно. Такими святыми старцами забиты все доминиканские монастыри, а сколько их бесцельно шастают по дорогам Европы, выпрашивая милостыню, – только одному Богу ведомо! Черты лица у него были заостренные, кожа на щеках сухая, обветренная, побитая оспой; роста был невеликого, а склоненная в покорности шея и вовсе делала его карликом. Оставалось только удивляться тому, как этот внешне невыразительный человек способен воздействовать на искусственные умы.

И только когда он заговорил, негромким, но необычайно сочным голосом, пришла пора удивляться:

– Я знал, что ты сегодня прибудешь, маркиз. Тебя прислал король Рудольф, чтобы я сказал, где находится Копье судьбы.

Маркиз Перек постарался не высказывать своего удивления.

Монах так и остался стоять у порога, не желая углубляться внутрь шатра, а у маркиза не было желания усаживать его за стол. Выпив бокал вина, он отер тыльной стороной мокрый рот и произнес, не скрывая иронии:

– И ты мне укажешь, где находится Священное копьё?

Уже сегодня вечером этот шут будет мертв, так что можно потешить себя праздными разговорами.

– Я могу показать даже сегодня.

Пожалуй, что такие интонации могут ввести в транс. Отцу Григорию следовало бы играть шутов в королевском театре. Знать ценит подобных паяцев.

– Откуда же ты можешь знать об этом? Ведь свидетелей не осталось. Все его оруженосцы, что спрятали копьё, немногим пережили своего господина и погибли в ближайшем бою с сарацинами.

– Ты забываешь, маркиз, что я совершенно не нуждаюсь в свидетелях. О том, где находится Священное копьё, мне сообщил сам Фридрих Второй.

«Ничто не помешает убить его сегодня вечером, интересно будет понаблюдать, как он будет отыскивать Копье судьбы».

– Ах, да, конечно, как же я мог об этом забыть, – язвительно произнес маркиз Перек, наливая второй бокал вина. Пожалуй, в этот раз стоит довольствоваться только половиной, здешний климат весьма вреден для здоровья, если даже ящерицы, столь привычные к зною, попрятались под камни. – Может, вы хотите вина, отец Григорий? – пододвинул маркиз второй кубок.

– Я тронут вашей заботой, маркиз, но обойдусь без питья. Сейчас настолько жарко, что даже ящерицы попрятались под камни.

Бокал вина остановился у открытого рта: всего лишь случайность или странный монах действительно сумел прочесть его мысли?

– Не удивляйтесь, это получилось ненароком.

Сделав глоток, маркиз поставил кубок на стол. Поморщился. Нашел, что вино было на редкость кислое, странно, что он не подавился им, выпивая первый бокал.

С этим монахом следует быть поосторожнее: возможно, что за маской простака скрывается врачеватель невиданных возможностей, способный воздействовать на сознание.

– Хм, вы знаете, о чем я подумал?

– Знаю.

– Каким же образом?

– Тут нет никакого секрета, просто я увидел ваши мысли, – произнес монах, как если бы говорил о чем-то самом обыкновенном.

– Какого же они были цвета? – ехидно поинтересовался маркиз.

– Красного, – последовал быстрый ответ.

Теперь понятно, почему число его сторонников так стремительно растет. Маркиз Перек невольно посуровел: немного пообщавшись с этим странным монахом, так еще и сам пополнил ряды его сторонников. Холодную учтивость отшельника расплавила легкая улыбка.

Этот затворник, видно, опять сумел увидеть его мысли.

– Неужели это возможно? – неуверенно отозвался маркиз.

– Нет ничего проще, – заверил монах, – увидеть мысли может каждый. Для этого нужно выжить на поле боя после смертельных ранений, слезно испкупить все свои грехи и вести праведный образ жизни.

– Хм, признаюсь откровенно, более странного человека мне не приходилось встречать за всю свою жизнь, – тихо произнес маркиз. – Так вы готовы показать, где находится Копье судьбы?

– Да, мы можем отправиться туда прямо сейчас.

– Вот и отлично, – согласился маркиз. – Тогда давайте приступим завтра утром.

– К вашим услугам, маркиз, – смиренно отвечал монах, откинув полог шатра.

Потянувшись за куском мяса, маркиз случайно задел локтем бокал. Опрокинувшись, бокал покатился по столу, обливая вином платье маркиза.

– Вино было кислым, – выразительно поморщился монах, как если бы ощутил его на своих губах, – не правда ли, маркиз Перек?

Маркиз хотел было ответить, но визитер уже покинул шатер. Откуда монаху известно его имя, ведь он ему не представился?

* * *

Весть о том, что монах Григорий будет искать Копье судьбы, мгновенно распространилась по всей окрестности, а потому не было ничего удивительного в том, что уже ближе к полуночи крепость не могла вместить всех желающих и вновь пришедшие становились под ее стенами огромным лагерем. К вечеру запалили огромные костры. Где-то в центре бивака призывно прозвучала труба, а на окраине, умело вторя каждому аккорду, застучали барабаны.

Люди продолжали прибывать даже после полуночи. Длинные обозы, запряженные ослами и лошадьми, с поклажами до самого верха, прибывали к лагерю, добавляя в общее настроение собственное веселье. Места хватало для всех. Каждый хотел быть свидетелем чуда, чтобы впоследствии поведать о нем своим детям и внукам.

К биваку прибывали целыми семьями с престарелыми родителями и грудными детьми на руках; приходили как пешие, так и конные; как молодые, так и старые; здоровые и калеки, опирающиеся на суковатую клюку.

Все перемешалось!

Поддавшись общему ожиданию, к стенам крепости подошел отряд рыцарей из соседнего гарнизона. – Встали особняком, разбили шатры. А под самый вечер, когда начала одолевать скукота, принялись состязаться на мечах. Подогреваемые толпой сочувствующих, они бились как на брани, не обращая внимание на рубленые раны. Женщины, растревоженные всеобщим весельем, отдавались победителям за горсть мелких монет. А рукава от их платьев, которые

они дарили в награду рыцарям за отчаянные поединки, возвышались над обозами на алебардах, как победные знамена.

В эти часы лагерь под стенами старинной крепости Манцикерт был самым веселым местом на земле.

* * *

Глянув из окна крепости на развернувшийся у ворот лагерь, маркиз Перек заметно помрачнел. Что же такого необычного было в этом темном монахе, что заставляло следовать за ним десятки тысяч людей? Ему с грустью подумалось о том, что власть императора под этими стенами будет ничтожной по сравнению с влиянием нищенствующего монаха.

Повернувшись, Перек натолкнулся взглядом на оруженосца.

– Народ все прибывает, господин маркиз. Вчера я проехался по окрестностям, так население в поселках как будто бы вымерло!

– Люди находятся под стенами крепости, чтобы своими глазами увидеть чудо. – Едко хмыкнув, маркиз добавил: – Возможно, что они его получают.

– Господин маркиз, вы верите, что этот безродный монах сумеет достать для короля потерянное Копье судьбы?

В голосе оруженосца он вдруг услышал надежду. Вот теперь крамола проникла в башни замка, – кто бы мог подумать, что ему придется одергивать собственную челядь.

– Если он отыщет Копье судьбы, тогда я стану его слугой. Если же он этого не сделает... тогда лично отрублю ему голову и воткну ее на кол перед воротами крепости.

– Пусть свершится божья воля, господин маркиз.

Вот только голос оруженосца прозвучал отчего-то нетвердо.

Утром следующего дня, дружно помолясь на поднимающееся солнце, приступили к раскопкам. Участок Дозорной башни был оцеплен нормандскими рыцарями, и всякого, кто стремился проникнуть за ограждения, не считаясь с титулами, выталкивали взащей. На предстоящее место раскопок можно было смотреть только сверху Дозорной башни и со стен, на которых, подобно гроздьям винограда, свисали обитатели крепости.

Двое из них, сорвавшись с зубчатого гребня бойницы, разбились насмерть. Оттащили бедолаг в сторонку, да тотчас и позабыли, – ныне имелись куда более важные дела. Их место заняли другие, столь же ретивые. Бесстрашно свесившись вниз, они старались узреть то, что другим было не дано. Громко кричали, комментируя происходящее:

– Подошел монах Григорий... Молится... В карете подъехал маркиз. О чем-то разговаривают... Григорий указал место, где следует искать Священное копьё.

Восторженно взревела толпа, стоящая под стенами. В порыве чувств задние ряды напирали на передние, пытаясь подмять рыцарей, вставших на страже. Прогнулся в легкую дугу строй из металла и людей, теснимый страждущими. Еще минута – и они будут вдавлены вместе с доверенным лицом короля в древнюю гранитную кладку.

Но уже в следующую секунду угрожающе лязгнуло железо, воздух со свистом резанул длинный меч, и на лица стоявших рядом людей брызнули кровавые брызги, и бесталанная голова одного из напиравших покатила под ноги маркизу. Ахнув, толпа мгновенно отхлынула, будто морская волна с крутого берега. Брезгливо глянув на подкатившуюся голову, маркиз перешагнул через нее, едва не задевая шпорами безжизненного лица, и подошел к Григорию.

Кивнув на обезглавленное тело, лениво поинтересовался:

– Ты знаешь о том, что тебя ждет, если Копье судьбы не будет найдено?

Глаза отца Григория были глубоки и спокойны. Неужели этот недалекий и малообразованный монах может знать больше, чем все остальные? А если это действительно так, тогда откуда у него подобное преимущество?

Губы монаха дрогнули, и он негромко произнес:

– Я готов ко всякому исходу.

Четыре крестьянина, вооружившись лопатами, дружно поплевали на мозолистые ладони и, громко выдохнув, принялись долбить красную выжженную землю. Твердая, как гранит, она не желала поддаваться заточенному железу и, как могла, сопротивлялась насилию. Лопаты гнулись и злобно отскакивали. Крестьяне, не уступая почве в упертости, яростно молотили, выковыривая из грунта обломки копий, обрывки тканей, поломанное снаряжение. Попались даже золотая шпора и уздечка от лошади, а потом лопата звучно тренькнула обо что-то металлическое...

– Монах Григорий оказался прав! – взревели на крепостных стенах горожане. – Это Копье судьбы!

Взрыв восторга заставил дзинькнуть колокола. Каждому хотелось увидеть чудо первым. Городские подались вперед, едва не срываясь со стен. А те, кто выстаивал внизу, в едином порыве потянулись к святыне, готовые в одно мгновение подмять рыцарей, оцетинившихся на их пути длинными мечами.

– Назад! Назад! – кричал начальник стражи, нормандский рыцарь, напиранием на охрану людям. – Мы будем рубить каждого, кто сделает хотя бы еще один шаг!

Обхватив длинный меч руками, он дважды рубанул им, очертив опасное пространство. Рыцари, стоявшие по обе стороны от предводителя, проделали то же самое: каждый из них понимал, что людская толпа, подстегиваемая религиозным экстазом, будет куда страшнее непримиримых сарацинов. Стоит только показать слабость, как они тотчас сомнут оцепление и безо всякой жалости пройдут по головам, чтобы лицезреть Копье судьбы.

Угроза подействовала не сразу. Задние ряды, все еще продолжавшие напирать, вдруг уперлись в передние, не пожелавшие сделать даже шагу.

– Стоять! – кричал наследник викингов.

По тому, как в злобной муке исказилось его лицо, было понятно, что он ударит всякого, кто смеет ступить хотя бы на полшага. Полютовало людское море, да и успокоилось.

Невозмутимыми оставались лишь маркиз с монахом Григорием.

– Ты хочешь сказать, что это и есть копьё? – скривился маркиз, показав на кусок железной пластины, выпиравшей из грунта.

– Надо копать дальше, – примирительно настоял монах. – Скорее всего, это снаряжение рыцаря.

Крестьяне, охотно воткнув лопаты в свеженасыпанный грунт, присели рядышком передохнуть. Не помешает перевести дух, даже если копаешь святыню.

– Ну, чего сели истуканами! – прикрикнул маркиз на крестьян. – Сказано же было, копать дальше!

Крякнув с досады, крестьяне разогнули натруженные спины и вновь взялись за лопаты, бормоча про себя ругательства.

Только теперь было понятно, что это не копьё, – из грунта, сверкая потускневшим железом, торчал шлем рыцаря, а в нем – череп обнажил порченные землей зубы.

– Копайте осторожнее, чтобы не повредить его, – предупредил маркиз. – Он погиб за святое дело.

Сначала земля отпустила плечи, потом открылась грудь рыцаря, спрятанная в рубашку из металлических колец, а уже затем показались ноги, слегка согнутые в коленях. В скрюченной ладони почивший сжимал обломок меча.

Вытянувшись в рост, рыцарь как будто бы даже после смерти продолжал стеречь какую-то тайну. А может, это всего лишь предупреждение о чем-то ужасном?

– Кто этот бедный рыцарь?

– Трудно сказать... На этом месте произошло большое сражение. Первое после смерти короля Фридриха Барбароссы... Почти весь его передовой отряд был разбит сарацинами, в живых остались только единицы. Наверняка это один из тех несчастных рыцарей, – отвечал маркизу оруженосец.

– У него должен быть медальон, – заметил маркиз, – я хочу точно знать, кто этот рыцарь, чтобы сообщить о нем родственникам и по достоинству воздать почести герою. Он до последнего мгновения не расставался с оружием... Хотелось бы мне знать, какую тайну он охранял, – заключил он в задумчивости.

Осторожно, стараясь не поломать костей, с головы сняли капюшон с металлическими кольцами, с груди – тунику, покрытую металлическими бляхами. Только теперь на ветхой рубахе был виден фаянсовый медальон, на котором проступала надпись.

Склонившись, маркиз прочитал имя усопшего:

– Оруженосец Ульрих, старший сын барона Филиппа Адальберта.

– Это оруженосец короля Фридриха Барбароссы, – отвечал стоявший рядом рыцарь. – Говорят, что он был тем самым человеком, который закрывал королю глаза. Он был незнатного рода, его отец стал рыцарем за доблесть, но король Фридрих очень ценил его.

Маркиз с интересом рассматривал фаянсовый медальон. Обыкновенный. Вот разве что крышка увенчана золотом. Именно такие медальоны любящие женщины вручали своим возлюбленным перед крестовыми походами, втайне надеясь, что он сумеет уберечь их от болезни, рубящего удара сарацина и от нечаянной любви.

Не помогло. Возлюбленный не вернулся.

Отвечая на немой вопрос маркиза, монах произнес:

– Девушка так и не вышла замуж. Хотя у нее было огромное количество поклонников, все ждала своего рыцаря.

– Отнесите останки оруженосца от раскопок. Мы похороним его с подобающей честью, – распорядился маркиз.

С большим бережением прах Ульриха Адальберта уложили на носилки и отнесли в глубокую тень.

– И что ты на это скажешь? – спросил маркиз у монаха.

– Нужно копать дальше. Это знак. Мы на правильном пути.

– Копайте глубже, – махнул рукой маркиз.

Еще через два часа крестьяне натолкнулись на длинную палку. Поначалу они хотели рассечь ее топорами, чтобы погрузиться в грунт, но подошедший монах Григорий буднично произнес:

– Вот и добрались. Это и есть Копье судьбы.

Слова, сказанные негромко, были услышаны на крепостных стенах.

– Отче Григорий отыскал Копье судьбы!

Восторг, зародившейся на Дозорной башне, волной прошелся вдоль стен и, преодолев широкий ров, ворвался в толпу, усиливаясь многократно.

На поверхности торчало всего лишь древко, а наконечник, зарывшись в грунт, оставался все еще невидимым. Казалось, никто более не сомневался в счастливой находке... Вот разве что маркиз.

Нахмурившись, маркиз Перек перевел взгляд на монаха, опасаясь рассмотреть в его глазах торжество. Ошибался. Его взгляд натолкнулся на холодную учтивость.

– Как же вы можете доказать, что это именно то копьё, которое мы ищем? Это может быть простая случайность.

– У Копья судьбы золотая муфта, под которой было высечено имя одного из владельцев.

– Вот как? И кто же этот владелец?

– Гай Кассий.

– Вы говорите так, как будто бы видели это копьё раньше, – с сомнением произнес маркиз.

– Я этого копья никогда не видел, впрочем, так же как и вы, маркиз, – сдержанно заметил Григорий. – Мне о нем рассказал Фридрих Барбаросса.

– Он вам рассказал и про золотую муфту?

– И про нее тоже.

– Хм... Мне интересно взглянуть. Осторожнее, олухи, – предупредил маркиз. – Как-никак Копье судьбы копаете!

Древко оказалось трухлявым, прогнув, оно обломалось в двух местах, но наконечник, зарывшийся в темно-красный суглинок, не пострадал. Как и предупреждал монах Григорий, копьё было упрятано в золотую муфту, не потускневшую от долгого пребывания в земле.

Григорий подошел к выкопанной яме и осторожно поднял копьё, как если бы опасался причинить ему неудобства. Некоторое время он держал копьё над головой, улыбаясь. Затем с почтением передал его королевскому посланнику. Тот взял копьё столь же бережно.

В какой-то миг маркизахватило всеобщее ликование. Более светлой минуты он не мог припомнить за всю свою жизнь. Копье судьбы, которое, казалось, было потеряно безвозвратно – вдруг обнаружилось самым чудесным образом!

И он к этому причастен!

Маркиз что-то говорил, но из-за криков радости, раздававшихся отовсюду, не слышал собственного голоса.

– Этого не может быть... Этого не может быть... Неужели это то самое Копье судьбы?!

– Можете не сомневаться, маркиз, – отвечал монах Григорий. – Другого такого нет во всем белом свете.

Только сейчас, глядя на бесновавшуюся толпу, стремящуюся воочию увидеть Копье судьбы, он осознал груз ответственности, свалившейся на его плечи.

– Что мне с ним делать? – растерянно спросил он у монаха.

– Для начала его нужно хорошо спрятать, – найдется немало желающих, чтобы заполучить Копье судьбы. В этом замке имеются глубокие подвалы, так что лучшего места для него не найти. Далее нужно поставить усиленный караул, я не исключаю того, что кто-то пожелает отбить это копьё силой, потому что всем известна древняя истина: кто владеет этим копьём, тот владеет всем миром.

– Коня! – хриплым от напряжения голосом пожелал маркиз, понимая, что у него не хватит решимости убить монаха Григория. А стало быть, он нарушил королевскую волю.

Оруженосец, белокурый юноша лет четырнадцати, подвел под уздцы рыцарю его любимого иноходца, необыкновенно высокого, вороной масти. С таким конем легко рубиться на рыцарских турнирах, могучей грудью он легко сшибал любого жеребца. Даже взбираясь на коня, Жак Перек не отважился выпустить копьё из рук, – приладил его к поясу и, обдирая платье об острый наконечник, взобрался на спину коня.

С высокого седла было видно, насколько широко разлилось людское море. Оно заполнило собой близлежащую поляну и тремя неровными языками уходило к лесу, где уже догорали кострища. Маркиз был уверен, что в ближайших селениях не осталось ни одного человека, – сейчас все от мала до велика находилось под стенами крепости.

Подняв над головой Копье судьбы, он помахал им в восторженную толпу, почувствовав, как божественная сила реликвии проникает через руки прямо в его тело. В груди запекло.

Только бы выдержать наступивший жар!

– Распахнуть ворота! – выкрикнул маркиз, и под громкие крики толпы въехал в крепость.

Глава 4

НЕУЖЕЛИ ЭТО ОНО САМОЕ?

Приятно было осознавать, что лесок, находящийся в километре от твоего дома, принадлежит не кому-нибудь, а лично тебе. Вместе со всеми его грибами, ягодами и пичугами, что так голосисто орут поутру. А кроме того, в собственности еще две возвышенности, поросшие сочной травой, на которой пасется стадо пегих буренок. Да вот еще большая петля полноводной широкой реки и вытянутая дугой старица, всегда славившаяся отменной рыбалкой. Особенно значимый момент заключался в том, что ближайший сосед находится за три версты, которого ты даже не видел, собственно, и знать которого не обязательно.

Как же тут не прочувствоваться собственной значимостью!

Семена Григорьевича Родыгина всегда удивляла привычка олигархов селиться по соседству. Дома, едва ли не наклепленные друг на друга, больше напоминают улей с сотами. До следующего дома можно буквально дотянуться рукой, – распахнул занавеску – и можешь наблюдать за тем, как прислуга готовит омлет твоему заклтому другу. Ну разве же это дело!

Мало им того, что они без усталости толкаются на одном финансовом поле, вытаскивая из рта друг друга жирные куски, так им не терпится еще и соседствовать бок о бок. Такое поведение иначе как стадным чувством не назовешь. Случись перемены, так в этих резервациях зачищать олигархов будет куда удобнее, чем где-нибудь в лесных просторах. Доросли до больших денег и могли бы вполне наслаждаться пространством, так нет же, их всех тянет в один тесный пруд, чтобы плескаться в пахучей тине.

Вот она красота!

Особняк, расположенный на самой макушке холма, огороженный многометровым каменным забором, успешно соперничал со средневековым замком. Вот только удобства в нем были таковы, что рыцарям средневековой поры подобное даже и не снилось.

Семен Григорьевич вышел на балкон. Глянул окрест. За несколько верст вокруг простор, глазу некуда упереться. Это не тот тесный двор его детства, где главной достопримечательностью была высокая голубятня, в которой они проводили большую часть своего времени. Хотя на голубятне тоже было здорово, именно в ней, под воркование птиц, он получил первый сексуальный опыт. Выиграв в карты шальной рубль, он был третьим в очередь на любовь.

Такое не забудешь.

Сейчас, когда он владел парой десятков концернов, оборот от которых сопоставим с бюджетом небольшого государства Европы, когда он может позволить себе скупать охапками лучшие модельные агентства Европы, шалая ребячья любовь была ему как никогда дорога. Да и сладость, что он получил от того грешного соития, более никогда не испытывал.

По грунтовой дороге, оставляя позади изрядное облако пыли, торопился белый «Ленд-ровер». Не сбавляя скорости, он лихо вписался в крутой поворот и, разбрасывая щебенку по сторонам, стал подниматься в гору. Остановившись перед воротами, громко просигналил. На собственную безопасность Семен Григорьевич денег не жалел. За внешними воротами располагались еще и внутренние, в которых пряталась столь же недоверчивая охрана. И вообще в вопросах безопасности спешка вредна, а потому охрана не упускала возможности дать понять визитерам, что главным здесь может быть только хозяин, и подолгу заставляла именитых гостей простаивать у порога.

Подъехавшая машина им была хорошо знакома и принадлежала одному из заместителей Семена Григорьевича, но вот люди, сидящие за темными стеклами, обыкновенно вызывают недоверие. Опустит стекла, покажи личико, тогда и к тебе будут относиться уважительно.

Из будки, не торопясь, вышел коренастый мужчина в камуфляже. Намеренная неторопливость только подчеркивала его силу, одного взгляда было понятно, что такой человек спосо-

бен на поступок, а потому ссориться с ним не хотелось. Переднее стекло со стороны пассажирского сиденья поползло вниз, и, проявляя максимум радушия, в проеме показалось лощеное лицо Валерия Нестеровича Шерстнева, заместителя начальника по финансам. По прежней работе – сотрудника ФСБ.

– Открывай, Мироныч! – весело гаркнул он. – Чего же томишь-то, свои ведь!

В ответ лишь сдержанный кивок, не допускавший панибратства. Следовало отгораживаться от прочей хозяйской челяди холодной учтивостью, ведь жалованье он получает из рук Семена Григорьевича, а, значит, ко всем остальным должен испытывать некоторое недоверие.

Не тот случай, чтобы, задрвав штаны, бежать к пультам и отворять ворота. Время полуденное, сейчас хозяин в своем кабинете просматривает бумаги и вполне может наблюдать за подъехавшей машиной. Уж ротозейства-то он точно не простит!

Сделав несколько шагов по направлению к будке, он вдруг неожиданно развернулся.

– А кто у тебя за водителя? – спросил Миронович. Голос равнодушный, без какой-бы то ни было смысловой нагрузки. Просто таков порядок. – Вроде бы этого парня я прежде не встречал.

– Это же Тимофей, – удивленно отозвался Шерстнев, – он переведен из Златоуста. Ты разве его не помнишь?

Глаза у Мироновича были безучастными, – он не помнил. Укорять его в этом тоже ни к чему. Охраннику не вменялось в обязанность помнить каждого сотрудника, которого переводят из периферии, тем более что это не его ума дело, слава богу, своих обязанностей выше крыши.

– Пусть покажет пропуск, – все с той же показной ленцой сказал охранник, не делая малейшей попытки хоть как-то разрядить обстановку. Инструкция – вещь прямолинейная, делай то, что предписано правилами, и избежишь многих неприятностей.

– Пропуск не успели выписать, – возмутился Шерстнев, – не уезжать же парню обратно в город.

Распахнув дверцу, он ступил белыми штиблетами на дорогу. Потная рубашка плотно обтягивала его тучное тело. Пуговицы расстегнулись, показывая выступающий волосатый живот. В глазах охранника мелькнул интерес: чего это он выскочил, уж не врукопашную ли надумал схлестнуться? Скучновато тут, глядишь, хоть какое-то развлечение. Хотя перебарщивать тоже не стоит, для этого случая тоже составлено предписание: ударил раз-другой по конечностям дубинкой, после чего обездвиженного втащил в сторожку для дальнейшего разбирательства.

Ленивый шажок навстречу вышедшему: не более того, иначе последующее действие может расцениваться как агрессия, а это уже чревато.

Неожиданно прозвенел телефонный звонок. Вытащив из кармана трубку, Миронович посмотрел на экран, на котором высветился номер хозяина.

– Мироныч, пропусти. Я их жду!

Ему очень хотелось повернуться в сторону балкона, откуда должен был наблюдать за происходящим Семен Григорьевич, однако делать этого не следовало, не оценит. Главное для него – охрана ворот.

Выключив телефон, Миронович произнес:

– Садитесь, сейчас открою.

Хмыкнув, Валерий Игоревич только подивился: куда же подевалась его прежняя холодность.

– Хотелось бы, – залез он в салон, протестуяще хлопнув дверцей.

Махнув напарнику, сидящему в будке, Миронович приказал:

– Открывай! Скажи, чтобы на втором КПП тоже не задерживали, Семен Григорьевич ждет.

Ворота тяжеломерно громыкнули и принялись медленно расходиться в стороны: сначала взору предстал фрагмент асфальтовой дороги, засаженной по обе стороны голубыми елями, затем кусок футбольного поля с воротами, а уже затем хозяйские постройки, плотно уютившиеся во внутренней части усадьбы.

Прошуршав шинами по асфальту, внедорожник подкатил ко вторым воротам, тотчас распахнувшись. Вышедший охранник проводил «Лендровер» заинтересованным взглядом и, когда ворота задвинулись вновь, негромко произнес в рацию:

– Они прибыли.

Странно, но в тот момент, когда внедорожник подкатил к дому, Родыгин почувствовал, как под ложечкой неприятно засвербило. Неужели заволновался? И невольно удивился собственным ощущениям: оказывается, на свете еще имеются вещи, способные обогатить его эмоционально. Не все еще потеряно. Какой нерастраченный ресурс прячется в печенках! Подобные впечатления следует беречь, лелеять, как цветы в парниках. А то и завянуть могут.

Через минуту в дверь негромко, но решительно постучали.

– Входи, – разрешил Родыгин.

Высокая резная дверь неслышно провернулась на петлях, и через порог шагнули два человека: один был его заместитель по финансам, другой, несколько моложе, нанят был Шерстневым месяц назад в качестве специалиста по нестандартным ситуациям и, судя по чемодану, что он крепко сжимал в правой руке, сумел проявить себя дельно.

– Показывайте, – не сумев скрыть нетерпения, произнес Родыгин.

Молодой человек уверенно прошел через кабинет к столу, за которым сидел Родыгин и, положив на него чемодан, щелкнул замком. На дне, завернутый в обыкновенную холщовую тряпицу, лежал какой-то длинный предмет. Бережно взяв его в руки, он аккуратно развернул холстину, и Семен Григорьевич увидел наконечник копья.

Вновь прислушался к себе. Внутри не дрогнула ни одна струнка. Вот так чего-то очень желаешь, буквально живешь этим, надеешься, что когда раздобудешь, так станешь непременно благополучнее, счастливее, а, заполучив мечту, понимаешь, что гонялся за призраком.

– Можете взять, теперь оно ваше! – проговорил Шерстнев, будто бы приговор прочитал.

– Это то самое копьё? – недоверчиво спросил Родыгин.

Валерий Игоревич сдержанно улыбнулся:

– То самое, Семен Григорьевич.

– Никогда бы не подумал, что может быть столько шумихи из-за куска железа.

– Это не просто кусок железа. Эта святыня! Фридрих Барбаросса всегда носил его с собой как талисман, а Гитлер вообще впадал в транс, когда его разглядывал. Это копьё чтит даже Ватикан.

– Насколько мне известно, имеются копии этого копья? – скептически произнес Родыгин.

– Верно, Семен Георгиевич, но это не должно волновать, у вас находится настоящее.

– О нем знает еще один человек...

– Вы говорите о Гурьян Макаровиче? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Он ничего не скажет.

– Быстро это у вас, – невесело буркнул Семен Георгиевич.

Поднявшись, Родыгин взял вожделенное копьё. А вот руки-то дрогнули, значит, не все еще потеряно, не прогорели страстишки. Некоторое время Родыгин сжимал наконечник копья, позабыв о присутствующих. В ладонях он ощущал приятную тяжесть, расставаться с которой не хотелось. В какой-то момент он даже потерял счет времени и поймал себя на том, что глуповато улыбался, поглаживая пальцами шершавую металлическую поверхность.

На лице Шерстнева отобразилась понимающая улыбка.

– Вот оно, стало быть, какое... Значит, это копьё усиливает возможности человека?

– Обладая этим копьём, короли захватывали мир, – сдержанно сообщил помощник. – Теперь вы можете мечтать обо все на свете.

– Хм... Если бы оно ко мне попало хотя бы лет десять назад, тогда бы я знал, о чем мечтать. Но вот сейчас... Ладно, идите.

Гости вышли, плотно затворив за собой дверь. Родыгин остался в одиночестве – весьма полезная обстановка для размышлений. А подумать было о чем. Копье лежало в самом центре стола и, как выяснилось,хватило все его думы. Семен Родыгин никогда бы не заподозрил, что столь сильной энергетикой может обладать обыкновенный кусок металла, облаченный в форму копья. На него и в самом деле хотелось смотреть бесконечно. Его притягательность усиливалась тем, что копьём обладали самые великие правители мира, и вот теперь оно лежит у него на столе обыкновенным предметом, вместе с набором ручек и ворохом исписанных бумаг. Вряд ли случайно вошедший признал бы в нем реликвию, почитаемую всем христианским миром.

Родыгин поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Хамидулла, я хочу тебе сообщить неприятную новость: копьё у меня.

Некоторое время в трубке раздавалось лишь тяжелое размеренное дыхание, а потом последовал сдержанный ответ, из говорившего словно вытягивали слова:

– Ты совершаешь ошибку, брат, ты его отнял у меня. Погибли мои люди.

– Копье мне нужнее, чем тебе, Хамидулла, – произнес Шерстнев и отключил телефон.

Глава 5 БОЖИЙ СУД

1276 год, 15 сентября

О произошедшем следовало отписать королю Рудольфу Габсбургскому, но последующие три дня маркиз Жак Перек не мог взяться за перо. За это время в нем самом произошли существенные перемены, в которых он опасался признаваться даже самому себе. Следовало собраться с мыслями, облечь слова в подобающую форму, но вот как это сделать, он не знал. И самое главное – нужно было объяснить королю, почему монах до сих пор жив и что заставило его самого послушаться отданного приказа.

Несколько раз маркиз вызывал стражу с намерением, чтобы они заточили монаха Григория в крепости, но всякий раз отсылал их обратно. Дважды он сам приглашал монаха в крепость на ужин, рассчитывая собственноручно расправиться с мятежником, но, глядя в его понимающие глаза, невольно отказывался от жестокой затеи. А Григорий, будто бы насмехаясь над его бессилием, беспрестанно подставлял ему незащищенную спину.

Тянуть с объяснениями не следовало. В его собственной свите могут отыскаться доброты, которые отпишут письмо королю, выставив его при этом в самом неблагоприятном свете.

Запалив лучину перед письменным столом, маркиз взял в руки писало и, макнув заточенный конец в чернильницу, принялся выводить аккуратным ровным подчерком: «Ваше величество германский король Габсбургский, император Священной Римской империи Рудольф Первый, пишет вам вассал ваш маркиз Жак Перек. – Немного подумав, продолжил: – Чудесным образом под стенами крепости Манцикерт было найдено Копье судьбы, которое, казалось, было навсегда утеряно во время Второго Крестового похода Фридрихом Барбароссой. Местонахождение копья указал монах Григорий, тот самый, который утверждает, что в него вселяется дух Барбароссы. Ваше величество, признаюсь, я и сам скептически относился ко всем пророчествам, связанным с его именем, до тех пор, пока собственными глазами не стал свидетелем чуда и не увидел, как извлекалось из земли копьё. – Маркиз отложил в сторонку писало и посмотрел на камин, в котором бесновались красные языки пламени, отбрасывая черные тени по комнате. Для доказательства следовало подобрать более убедительные слова. Подумав, он вновь взялся за письмо. – Это подлинное копьё, в чем я глубоко убежден. Оно точно такое же, каким запечатлено на рисунках Карла Великого: средняя его часть облечена в золотую муфту, под которой начертано имя первого его владельца Гая Кассия. Это большая победа всего христианского мира. И я не могу дождаться той минуты, когда возложу Копье судьбы к вашим ногам. Известно, кто владеет копьем, тот владеет миром. Так что оно не только Копье судьбы – оно еще и Копье власти! В течение того времени, когда копьё находилось у нас, наши отряды дважды подвергались нападению превосходящих сил сарацинов, но всякий раз наши рыцари наносили им сокрушительное поражение. Победы наших доблестных полков я связываю с тем, что сейчас у нас находится реликвия. Ваш верный слуга, маркиз Жак Перек».

Свернув письмо в плотный свиток, маркиз завязал его красной атласной лентой, после чего залил узел сургучом. Сняв с безымянного пальца кольцо с фамильным гербом, на котором был запечатлен дракон, стоящий на задних лапах, он аккуратно приложил его на расплавленный сургуч. Пасть дракона приоткрылась, и из нее вывалился длинный красный язык. Маркиз невольно заморгал глазами, – ну и привидится же такое.

– Рожер! – громко позвал маркиз слугу.

На его зов явился молодой худенький юноша с длинными каштановыми волосами, неровной волной спускавшимися на широкие плечи. Это был один из отпрысков могущественных баварских герцогов, посчитавших за честь служить у него оруженосцем. Юноша не только помогал ему во время рыцарских турниров, но и прислуживал во время трапезы. То, что в

античном мире являлось унижением, сейчас почиталось за большую доблесть. Как неузнаваемо меняются нравы!

– Слушаю вас, господин маркиз, – склонился юноша.

Маркиз Перек задержал взгляд на его глазах, всегда печальных. Однажды он проговорился о том, что дал обет безбрачия, так как его возлюбленная была отдана другому. Интересно, как долго он сумеет укрощать плоть? Ведь вокруг столько соблазнов.

Но юноша он был отчаянный, норовил залезть в самую гущу схватки, как если бы намеревался умереть раньше отмеренного срока. И для предстоящего поручения подходил как никто другой.

– Вот это письмо передашь лично в руки германскому королю, – произнес маркиз, протянув туго скрученный свиток. – Печать на свитке послужит тебе пропуском через дозоры.

– Хорошо, господин маркиз.

Юноша медлил.

– Ты что-то хотел спросить, Рожер?

– Это касается Копья судьбы?

– Именно. Так что будь осторожен. И немедленно привезешь мне от короля ответ.

– Я сделаю все, что нужно, – поклонился юноша. – Позвольте идти?

– Ступай.

* * *

Положив грамоту в сумку, оруженосец прошелся по длинному коридору главной башни и стал быстро спускаться по винтовой лестнице. На его счастье никто не вышел навстречу, не попался в переходах. Спустившись на этаж ниже, он услышал чей-то горячий шепот. Прислушавшись, узнал в нем без труда голос старшего герольда Бернарда.

Выглянув из-за проема, он увидел, как рыцарь, обхватив служанку за плечи, что-то горячо говорил ей в лицо. На губах девушки была озорная улыбка, – внимание рыцаря ей было приятно, вот только как на флирт посмотрит хозяин замка, ведь он здесь полновластный господин. Сцена занимала и невольно вызывала улыбку. Герольд не собирался отступать, он был напорист, красноречив и до ушей оруженосца доносились его горячие посулы. Уже сомлевшую девицу он подхватил на руки и понес в свою комнату.

Теперь в крепости на один грех станет больше.

Некоторое время Рожер прислушивался к громким веселым крикам, доносившимся из самого конца коридора. Вчера из соседнего замка прибыло шесть рыцарей во главе с графом Глостером, который, кроме высокого роста и громкого голоса, отличался еще и тем, что носил на своем плаще платок, приколотый золотой застежкой. Поговаривали, что этот платок ему вручила дочь саксонского герцога, которую незадолго до похода он лишил невинности. Глостер был из тех людей, для которого не было ничего невозможного: водил дружбу с королями и так же легко соблазнял их жен и дочерей; в застолье мог назвать случайного соседа лучшим другом, но уже в следующую минуту способен был вызвать его на поединок. Неожиданно дверь с шумом распахнулась, и из нее, позвякивая длинным мечом по каменной кладке, вышел граф. Отчего-то ему было весело, его громкий смех, подобно раскатистому грому, сотрясал этажи Главной башни. На левой стороне груди был приколот все тот же девичий платок. Не ведая поражений на рыцарских турнирах, он говорил о том, что побеждать ему помогает платок, расшитый золотыми и серебряными нитями, в углу которого были выведены начальные буквы его избранницы.

Однако он совершенно не обременял себя какими-то обязательствами и в каждом походе содержал в своем обозе по целому гарему женщин. В крепости гостеприимного барона Вольф-

гера Криста он тоже не терялся, подхватив под руки двух молодых дворянок, он увел их в свою комнату.

Выждав некоторое время, Рожер быстро прошел по коридору и устремился в подвал по винтовой лестнице. Он понимал, что у него не будет более другой возможности, чтобы осуществить намеченный план.

Сейчас или никогда!

Являясь отпрыском баварского герцога, он всегда помнил о том, что в прежние времена короли считались с сильнейшими герцогствами Германии. Конец вольности пришелся на тот период, когда к власти пришел Фридрих Барбаросса, – умный, энергичный, беспощадный, он искоренял каждого несговорчивого вассала и успокоился только тогда, когда подмял самого непокорного – баварского герцога.

Согласно пророчеству, возродить прежнее могущество можно было только с помощью Копья судьбы, заполучив его. Но сейчас оно находилось в подвале крепости под усиленной охраной.

Спустившись вниз, он увидел стражника с мечом в руках, застывшего перед большим кованым сундуком, – именно в нем, по распоряжению маркиза, находился наконечник копья. Всмотревшись в полумрак, в строгом охраннике он узнал своего старинного приятеля Готфрида, оруженосца графа Глостера.

Какую-то минуту Рожер еще колебался, а потом уверенно вышел из-за угла, пусть случится предназначенное.

– Готфрид, дружище, – радостно воскликнул Рожер, раскидывая руки для объятия. – Я битый час разыскиваю тебя по замку, хотел выпить с тобой бутылку красного вина, а ты, оказывается, вот где! Если бы не одна добрая душа, которая смилостивилась надо мной и сказала, где тебя искать, так я бы ни за что не догадался! Послушай, что ты здесь делаешь?

– Разве ты не знаешь? Я охраняю Копье судьбы, – в голосе юноши прозвучала неприкрытая гордость.

– Ты хочешь сказать, что оно находится в этом сундуке? – расхохотался Рожер.

Юноша нахмурился:

– А разве ты этого не знаешь?

– Забавно! Кому же придет в голову похищать его? Даже если оно находится вот в этом сундуке, – удивился Рожер. – Ведь это же укрепленный замок, в нем не бывает чужаков. А потом даже если кто-то сумел бы открыть замки, то как он вынесет это копьё через посты, ведь для того, чтобы их миновать, нужно специальное разрешение барона Вольфгера Криста. Пойдем выпьем по бокалу вина!

– Я не могу ослушаться приказа маркиза, – посуровел Готфрид.

– Жаль, что нам не получится попить с тобой вина, – грустно проговорил Рожер, – видит Бог, я сделал все, что мог.

– Ты расстроился? – удивился Готфрид. – Не переживай, Рожер, как только закончится моя смена, я тотчас приду к тебе и мы обязательно посидим как следует.

– А когда закончится твоя смена?

– Через три часа, – бодро отвечал Готфрид.

– Для меня это целая вечность. – Вытащив из-за пояса кинжал, Рожер воткнул его в грудь приятелю.

Меч выпал из рук юноши, и Готфрид, цепляясь ослабевшими пальцами за платье приятеля, стал медленно опускаться на мраморный пол. Вскинув на него недоуменный взгляд, глухо спросил:

– За что?

– Извини, – вытащил Рожер кинжал из груди юноши. Хлынувшая кровь залила рукав, перепачкала платье. Стоит ли обращать внимание на мелочи, когда решается судьба целого

герцогства. – Ты ни в чем не виноват, просто мне нужно забрать копьё, а с его помощью я обязательно верну былое величие Баварскому герцогству.

Подхватив под руки безжизненного приятеля, он аккуратно уложил его в угол комнаты. Теперь осталось главное – добраться до копьё. Времени вполне достаточно, чтобы сорвать замки с сундука и забрать Священное копьё, а потом, используя грамоту маркиза, можно будет покинуть замок незамеченным. А дальше уже все зависит от крепких ног его коня и от удачи. В отряде маркиза немало рыцарей из Баварского герцогства, так что всегда можно будет рассчитывать на их помощь.

Не подведут! Кому как не баварцам желать славы родному герцогству. Сундук запирался двумя большими навесными замками, сбить их будет не просто.

Вытащив из ножен тяжелый меч, оруженосец Рожер ткнул рукоятью по навесному замку. Дубовые доски отозвались глухим звуком. Обхватив меч двумя руками, оруженосец, примерившись, ударил точно в основание дужки. Покореженный металл отлетел далеко в сторону. Остался последний замок, крупнее прежнего, он потребует куда больших усилий.

Размахнувшись, Рожер ударил по дужке замка, стараясь сбить его с петель. Железо только недовольно звякнуло, выдержав насилие. Еще один удар, столь же могучий. Серьга замка, поддавшись, чуток вышла из железного нутра. С надеждой на воскрешение былой мощи герцогства Рожер вложил в следующий удар всю силу. Железо отлетело, яростно позвякивая. Доступ к Копью судьбы свободен. Отложив меч в сторону, оруженосец, преодолевая священный трепет, приподнял крышку. Вот сейчас он коснется одной из главных христианских святынь.

На самом дне завернутое в грубую черную тряпицу лежало копьё. Разве здесь подобает находиться реликвии? Она должна лежать на бархатной подушке, в худшем случае может быть обернута в дорогую парчу. В Баварском герцогстве Копью судьбы станет значительно лучше, там для него отведут христианский собор, где ежедневно в его чудесное спасение монахи будут читать молитвы.

Бережно приподняв копьё, он стал его разворачивать. Боже мой, что это такое?! В руках он держал берцовую человеческую кость!

– Уж не копьё ли ты ищешь? – услышал он за спиной удивленный голос.

Обернувшись, он увидел в проеме дверей маркиза Перека, графа Глостера и хозяина замка барона Вольфгера Криста. Из-за спины рыцарей, вытянув шеи, выглядывало три стражника.

Взгляд оруженосца был направлен прямо на хозяина замка.

– Барон? – растерянно протянул он.

– Да, это берцовая кость и принадлежит она такому же вору, как и ты, Рожер... Тот тоже однажды вздумал проникнуть в мою сокровищницу.

Оруженосец перевел взгляд на королевского посланника:

– Маркиз, все получилось не так, как вы подумали, это произошло совершенно случайно, – оруженосец отступил на шаг от наседавших на него рыцарей.

– Выходит, этот бедный юноша тоже скончался случайно?

Граф подошел к убитому оруженосцу, заботливо приподняв его голову, глянул в неподвижные глаза:

– Жаль, что случилось именно так. Из него мог бы получиться хороший рыцарь.

Рука маркиза грозно взмыла вверх.

– Взять его!

Стражники, столь же высокие, как и маркиз, вышли из-за спины рыцарей, закрыв собой не только распахнутую дверь, но, казалось, всю вселенную. Ужас, готовый было вырваться из горла оруженосца, застыл где-то у самого горла. Вжав оруженосца коленями в каменный пол, холодный, как могильная плита, они ждали следующей команды.

– Отпустите меня, – вырвался из горла оруженосца хрип.

– Кажется, он просит пощады? – усмехнулся маркиз. – Право, это не красит отпрыска баварских рыцарей. Смерть ты должен принять достойно, как и подобает твоему званию.

Стража быстро связала оруженосца по рукам и ногам, воткнув в распахнутый рот пук прелой соломы. Действовала умело, безо всякой спешки, работа привычная, за плечами не один год службы. Вот только что с ним делать дальше? Отступили на шаг, давая возможность господам решить судьбу юноши.

– Ну что встали, олухи? – вдруг прикрикнул маркиз на застывшую стражу. – Неужели не ясно? Складывай его в сундук. – Зло усмехнувшись, добавил: – Ведь не зря же он его открывал.

Команда привычна, и внутри сундука уже побывал не один вор. Дружно, как если бы они проделывали подобное не однажды, юношу подхватили на руки и безо всякого почтения бросили в сундук. Довольно хмыкнув, поглазели на его извивающуюся фигуру и с громким стуком захлопнули крышку сундука.

Вот теперь порядок!

– Маркиз, что делать с этим сундуком? – спросил начальник стражи.

– Закопайте его здесь же, – строго приказал маркиз. – И никому ни слова!

– Будет сделано, господин маркиз. – Ну, чего встали истуканами, – прикрикнул начальник стражи на застывшую охрану. – Несите лопаты!

Граф выглядел сокрушенным.

– Не знаю, кажется ли вам это странным, но этот монах Григорий опять меня удивил. Ведь он же сказал, чтобы мы немедленно спускались в подвал и задержали вора! Жаль, что мы не сделали этого сразу, в таком случае Готфрид был бы жив. Что я теперь скажу его матери?

– Ведь монах посоветовал нам перепрятать копьё втайне, и оказался прав! – задумчиво произнес маркиз.

– Не знаю, как вы, господа, но я начинаю верить, что его посещает дух почившего императора, – сказал хозяин замка. – Пойдемте ко мне. У меня для вас приготовлено хорошее вино!

* * *

– Этот монах Григорий порядочный плут! – согнувшись, аббат Андре старался говорить маркизу в самое лицо, дыша на него прелым луквенным запахом.

Три года назад аббат дал обет перед святым крестом, что не будет мыться до тех самых пор, пока христиане не освободят от мусульман Священную землю. Судя по тому, как сарацины вгрызались в каждый иерусалимский камень, можно было предположить, что он так и умрет, не помывшись. Стоя рядом с ним, казалось, что каждая частичка его тела дышала нечистотами.

Маркиз Перек невольно поморщился, но неудовольствия не выразил.

– С чего вы это взяли, уважаемый аббат?

– Я знаю его с того самого времени, когда Григорий был еще рыцарем. Однажды он вдруг заявил, что ему привиделся сам апостол Павел, который вдруг сказал, что тот должен стать монахом, и он неожиданно для всех бросает свою службу и принимает пострижение.

– Хм... Занятная история, я что-то не слышал об этом.

– А теперь вдруг ему приснился король Фридрих Барбаросса, который вдруг указывает ему место, где должно лежать Копье судьбы. Вам не кажется это странным, уважаемый маркиз?

Жак Перек нахмурился:

– Что же именно здесь должно быть странно?

– А то, что это вовсе не Копье судьбы, а нечто другое, – аббат перешел на шепот. – Мне думается, что он специально подбросил его под стены, чтобы произвести впечатление.

Аббат Андре был Переку неприятен. Кроме дурного запаха, исходящего от его тела, он имел еще на редкость отталкивающую внешность: крупный нос напоминал зрелый баклажан,

свидетельствующий о том, что он был ревностным поклонником Бахуса; крохотные глаза черными бусинками смотрели на мир зло и с большим подозрением; губы большие, пухлые, и во время разговора он беспрестанно ими причмокивал.

Отстранившись, маркиз с усмешкой заметил:

– А может, вы ему просто завидуете?

– Чему же мне завидовать, маркиз?

– А тому, что не вам явилось видение короля Фридриха?

Губы аббата дрогнули. Замечание угодило на благодатную почву. А вот поперли и всходы: отвислые щеки аббата налились пунцовым румянцем, подбородок обиженно задергался, того и гляди из глаз-бусинок покатятся слезы:

– Напрасно вы меня обижаете, маркиз. А только прежде, чем передавать копьё королю, его нужно испытать.

– Мало, выходит, испытаний. – К своему немалому удивлению, маркиз вдруг поймал себя на том, что пропитался к монаху Григорию доверием, став едва ли не самым горячим его сторонником. – А как же разбитые сарацины? Мы стали побеждать в тот самый момент, когда у нас появилось копьё.

Сдаваться аббат не собирался.

– Эта могла быть случайность.

– Случайность может происходить один раз. Если это случается больше двух, то это уже закономерность.

– Я выражаю не только свое мнение, – строго заметил аббат, – так думают большинство монахов, и среди рыцарей имеются мои сторонники.

Аббат Андре был назойлив, как осенняя муха, просто так от него не избавиться. Маркиз нахмурился:

– И что же вы предлагаете?

Аббат чуток приподнял подбородок, кажется, он сумел убедить маркиза в своей искренности.

– Он должен пройти испытание божьим судом.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – отмахнулся маркиз, – но что-то мне подсказывает, что он справится и с этим испытанием.

* * *

Спать монах Григорий лег далеко за полночь, а все божья служба! Четыре отпевания кряду, и еще столько же крестин, а тут один из французских баронов надумал жениться, и его, уже было отправившегося спать, перехватил оруженосец и слезно просил узаконить свадебный обряд.

Невеста была из подлого сословия, какие обычно увязываются за обозом. Поначалу она принадлежала графу Глостеру, а когда тот изрядно подустал от ее прелестей и навязчивости, то с легкостью передал своему вассалу. Что ее отличало от прочих девиц, следовавших в обозе, так это то, что она была молода, необыкновенно хорошенькая, а кроме того, невероятно чисто-плотная. Так что не было ничего удивительного в том, что она сумела задурить рыцарю голову.

Вернувшись в обитель, Григорий долго ворочался на жестком ложе, пытаясь отыскать наиболее удобное положение для сна, а потом, перекрестившись на животворящий крест, уснул сном праведника.

В эту ночь ему приснился король Фридрих Барбаросса. Как и в прошлый раз, он явился к нему в латах и сжимая в руках тяжелый меч.

Внутри аббата все съежилось от дурного предчувствия. Сердце на миг прекратилось биться, как будто кто-то ухватил его в железную ладонь. В этот раз король выглядел необыкновенно суровым, и только когда он заговорил, от прежней сердитости не осталось и следа.

– Тебе предстоит еще одно тяжелое испытание, – проговорил король.

Упав на колени перед его величеством, Григорий произнес:

– Я все выдержу, если это нужно провидению. Что я должен делать, ваше величество?

– То, что и следует. Не все верят в то, что найденное тобой копьё настоящее. Завтра к тебе придет маркиз и скажет, что есть сомнения по поводу его происхождения и ты должен доказать его подлинность. Тогда ты скажешь, что пусть разведут костер, и ты пройдешь через него босыми ногами, но с копьём в руках. Если ты погибнешь, то копьё ненастоящее, если ты перейдешь через пламя и останешься в живых, то оно подлинное.

Монах открыл было рот, чтобы заверить короля в своей преданности, но его лик вдруг заволочло белесой дымкой, а потом он и вовсе спрятался за туман.

Григорий пробудился с первыми лучами солнца, проспав в общей сложности не более трех часов. Однако ощущение было таковым, что он хорошо отдохнул, как если бы проспал не менее десяти часов.

Едва он прочитал молитву, как в келью вошел маркиз.

– Какой у нас сегодня день? – вместо приветствия поинтересовался рыцарь.

– Сегодня у нас Страстная пятница, господин маркиз, – спокойно отвечал монах, приготовившись к обстоятельному ответу.

– Мне бы не хотелось вас тревожить, святой отец, но заставляют дела.

Монах понимающе кивнул:

– Я знаю, с чем вы пришли ко мне. Вы хотите еще раз удостовериться в подлинности копья.

Брови маркиза удивленными птицами вспорхнули на середину лба.

– Не ожидал, что вы знаете ответ. Вам опять было видение?

– Это не имеет никакого значения. Я готов пройти через божий суд. Прикажите рыцарям на рассвете разжечь большой костер, я пройду через него босым с копьём в руках. Если копьё настоящее, то я останусь невредим, если оно от лукавого... то я сгорю вместе с ним!

– Пусть будет так, – не без труда согласился маркиз. В этом монахе чувствовался стержень. Можно только представить, каким несгибаемым рыцарем он был. – А вы не боитесь... святой отец?

– На все воля Божья, – смиренно отвечал отче Григорий.

* * *

Приготовления к Божьему суду начались еще с самого утра. На небольшую площадь перед крепостью слуги свозили хворост, поленья были уложены в большое кострище. Впечатление было таковым, что готовилось грандиозное пожарище. А ближе к обеду к месту Божьего суда, прослышав про решение маркиза, стал стекаться народ. Все были здесь: калеки и сироты, взрослые и малые дети, мастеровые и бродяги, слуги и рыцари. А когда солнце стало клониться к закату, костер запалили со всех сторон. Пламя, вырвавшись из-под сложенных полениц, устремилось к небу, осветив гранитную стену красными всполохами.

Еще через несколько минут из ворот крепости, держа копьё в руках, вышел монах Григорий.

По собравшейся толпе прошелся гул:

– Вышел монах Григорий... Рядом с ним идет маркиз.

– Как он одет?

– Отче Григорий в рясе и босой.

– Куда он идет? – спрашивал слепец, поворачивая голову во все стороны.

– Он идет в сторону костра.

– Он сейчас будет переходить через пожарище? – не унимался слепец.

– Да... Он остановился перед костром и молится.

Маркиз с аббатом направились к навесу, где для них были заготовлены два стула.

Глянув на огромный костер, пламя которого рвалось к небу, маркиз с сомнением произнес:

– Он не дойдет и до середины, уж слишком большой вы для него приготовили костер.

– На все воля Божья, – непреклонно отвечал аббат. – Думаю, что пора начинать.

– Пусть будет так, – согласился маркиз Перек.

Поднявшись, он махнул платком, и Григорий, перекрестившись, уверенно зашагал в сторону костра.

– Он идет? – спрашивал бродячий слепой, подавшись вперед.

– Да, монах шагнул в костер, – отвечал ему такой же бродяга. – Он шагает по угольям так, как будто ему совершенно не больно.

– Что дальше?

– Огонь настолько большой, что сейчас его не видно. Он просто сгорит в полымени!

Слепой, ухватившись за полы сотоварища, продолжал расспрашивать:

– Так он сгорел?

– Его нет, – обескураженно отвечал товарищ. – Он сгорел!

– Значит, копьё было не настоящее? – вопрошал слепец.

– Получается, что так...

Порыв ветра разметал темно-серые клубы дыма, и в зарницах пламени показалась фигура монаха, неторопливо бредущая.

– Григорий вышел! – восторженно прокричал его сосед. – На нем даже не сгорела ряса. Он святой!

– Он святой! – закричал слепец.

– Григорий святой! – прозвучало над рядами.

Монах вышел из огня, победно сотрясая над головой Копьем судьбы.

– Он вышел из огня, – удивленно проговорил маркиз, поднявшись. – Значит, копьё все-таки настоящее! Вы удовлетворены, аббат? Григорий выдержал Божий суд.

– Это действительно так... Хочу вас поздравить, маркиз. Вам будет что рассказать королю.

– Я хочу мощи святого Григория! – кричал слепец. – Я приложу их к глазам, чтобы прозреть. Дайте мне кусок его тела!

Толпа колыхнулась и в едином порыве двинулась в сторону Григория.

Монах видел сотни рук, протянувшихся в его сторону.

– Подите прочь, – в ужасе кричал Григорий. – Я прошел испытание!

Голос Григория только усилил ярость наступавших. Подмяв под себя стоявших в охране рыцарей, обезумевшая толпа бросилась на монаха, вышедшего из огня. Десятки тел подмяли Григория, чтобы разорвать его на тысячи кусков. С него срывали одежду, ножами отрезали куски плоти. Отмахиваясь копьём, Григорий откатился в сторону полымени, казавшегося ему в эту минуту куда более безопасным, чем обезумевшая толпа страждущих.

– Дайте мне кусок его тела, – кричал старый калека, опираясь на клюку. – Я приложу его к своим гниющим ранам.

– Чего встали! – вскричал в ярости маркиз. – Отбейте монаха, он мне нужен живым.

Стража устремила на выручку Григорию. Размахивая мечами, они пробивались к монаху, лежавшему бездыханно. Через рваное рубище проглядывало тощее, истомленное многими воздержаниями тело. В боку кровоточила рваная рана.

– Не жалей, руби! – наставлял маркиз Перек, бросившись вперед.

Не пожелав стоять в стороне, на выручку монаху кинулся граф Глостер: подцепив концом меча подбежавшего бродягу с расширенными от религиозного экстаза глазами, он отшвырнул его в сторону; затем ринулся напрямик в самую гущу свалки и без разбору принялся наносить удары, приговаривая:

– Получай, нечисть! Получай!

Длинный меч графа, не ведая жалости и устали, падал на головы бродяг, сокрушал им животы, но наседавших как будто не становилось меньше, с кинжалами и с обычными палками в руках они подскакивали к Григорию в желании отхватить кусок от его святой плоти.

В какой-то момент граф осознал, что находится в самой гуще свалки, окруженный со всех сторон бродягами, оцетинившимися заточенными палками. Он представлял теперь желанную добычу.

– Я буду не граф Глостер, если отступлю хотя бы на шаг, – кричал рыцарь, стараясь поудобнее перехватить меч.

Было понятно, что он скорее умрет, чем отступит хотя бы на дюйм. На какое-то время верующие позабыли даже про Григория, – открыв глаза, монах сделал попытку подняться. Не получилось, – так и рухнул, обессиленный, подле кострища. Понемногу наступая, страждущие все плотнее обступали графа, чтобы в едином порыве уничтожить человека, вставшего у них на пути к святому телу.

В какой-то момент показалось, что это им удастся и графу осталось жить всего-то несколько мгновений, но рыцари, выбежавшие из крепостных стен, ударили в спину наседавшим. Не ведая жалости, они прокладывали мечами дорогу к неподвижно лежавшему Григорию, топая прямо по рассеченным телам. Верующие схлынули, а потом и вовсе растворились в толпе собравшихся.

Граф перевел дух и зло, как если бы желал продолжения боя, воткнул меч в ножны.

– Вовремя вы, я думал, что мне уже с ними не справиться, – посмотрел граф на подошедшего начальника стражи. – Что там с Григорием?

Монах еще дышал. На перекошенных от боли губах лопались кровавые пузыри. Подошел маркиз и склонился над умирающим. Монах победил и в этот раз, правда, цена состоявшейся победы была неимоверна высока.

– Отнести его в замок, – распорядился маркиз Перек. – У меня хорошие лекари, они обязательно поднимут его на ноги.

Неожиданно Григорий открыл глаза, остановив помутненный взгляд на королевском посланнике.

– Не стоит беспокоиться, маркиз. Я проживу два дня.

Не стоило ему идти в монахи. Орден крестоносцев потерял в его лице ревностного служителя.

– Откуда тебе известно, тебе опять являлся дух Барбароссы? – теперь он не сомневался ни в одном из сказанных слов.

– Да, – голос монаха окреп. – Я у него спросил, что со мной будет? Король показал мне на могильный камень и исчез.

– Ну, чего встали истуканами? – прикрикнул маркиз на застывших слуг. – Разве не вам я сказал отнести святого отца Григория?!

– Только вы его того, – сочувственно протянул начальник стражи. – Не шибко хватайте, на нем живого места нет.

– Неужто мы не видим, – произнес один из них, аккуратно подхватив монаха под плечи. Кивнув на глубокие раны в правом боку и животе, произнес: – Удивительно, как он еще дышит. Другой на его месте только с одним таким ранением отдал бы Богу душу.

– Видно, у него сильный ангел-хранитель, – сдержанно заметил маркиз.

Костер уже догорал. Остались только угольки, выстреливающие в ночное небо снопами искр.

Монаха отнесли в келью, где он, промучившись в жару два дня, умер на третий с блаженной улыбкой на устах.

Глава 6

УБРАТЬ ЕГО НЕПРОСТО

Прежде в таких высоких кабинетах Георгию Волостнову бывать не приходилось. И ничего, голова не закружилась, даже не пошатнулся, когда перешагивал порог. На верхних служебных этажах не так одиноко и стыло, как может показаться на первый взгляд: ни ураганных ветров, ни леденящей температуры, от которой бы коченело тело, собственно, ничего такого, что могло бы приносить неудобства.

Хозяином кабинета был Литвинов Федор Анатольевич, крупный мужчина немногим более сорока. Изысканно одет, – один только костюм потянет на три тысячи евро, а стоимость часов, выглядывающих из-под белых манжет, и вовсе равнялась целому внедорожнику. Что еще? Запонки из белого металла, явно не серебро, столь вызывающе поблескивать может только один металл – платина, а вот в него вправлены два больших красных камешка величиной с ноготь, то рубины. Глуповато было бы думать, что они искусственного происхождения, такие люди предпочитают все самое лучшее.

Кабинет больше напоминал зал: светлый, с большими высокими окнами; на широком столе, покрытом зеленым сукном, стояло несколько фотографий, среди которых было несколько домашних, выполненных обыкновенным любительским фотоаппаратом. На двух из них запечатлены дети: мальчик подросткового возраста и миловидная улыбающаяся девушка лет двадцати. На первый взгляд, всего-то штришок, но именно он должен был подчеркнуть определенный гуманизм хозяина кабинета. Имиджмейкерам пришлось проделать немалую работу, но результат того стоил. Об официальности кабинета свидетельствовал разве что портрет Президента, висевший за спиной хозяина. Кресло с высокой спинкой, сделанное из каких-то дорогих пород дерева и явно по спецзаказу. Так что он чувствовал себя в нем весьма комфортно.

У противоположной стены возвышался аквариум, в котором среди длинных густых водорослей плавало несколько здоровенных рыжих рыбин, рядышком размещался квадратный стол для переговоров, с каждой стороны которого стояло по стулу.

Увидев вошедшего Волостнова, Федор Анатольевич с некоторой ленцой поднялся из-за стола и сделал навстречу два коротких шага.

– Как вы себя чувствуете? – голос был преисполнен самого искреннего участия. Упрекнуть его в фальши было бы трудно.

– Уже лучше. Но первое время очень болела голова. Врачи сказали, что через неделю все пройдет. Так что я в порядке, – попытался улыбнуться Волостнов.

– Садитесь, – показал Литвинов на стол для переговоров. И, не дожидаясь, пока Волостнов доберется до места, устроился сам, лицом к двери. – Считаю, что вам очень повезло, все могло закончиться гораздо серьезнее, – продолжил он, когда Георгий занял место с противоположной стороны.

– Я тоже считаю, что за меня кто-то очень молился, – скупно согласился Волостнов. Чего тут еще добавишь?

– Итак, как бы то ни было, наша встреча состоялась. Что вы намерены нам сообщить?

Никакой словесной разминки перед ключевым разговором, что лишний раз доказывало, что человек, сидевший перед ним, весьма серьезный и умеет ценить не только собственные минуты, но и время собеседника.

В центре, на узорчатой салфетке, стоял графин, наполовину опорожненный. Рядышком всего-то один стакан, со следами воды на прозрачных гранях. Видно, посетителей этого кабинета мучает несусветная жажда. У Георгия вдруг тоже возникло желание выпить воды, но усилием воли удержался.

– В ближайшее время на Президента должно состояться покушение, – произнес Волостнов главные слова.

Его встретил непроницаемый взгляд. Георгий Волостнов был вправе надеяться на более бурную реакцию. Разумеется, он полагал, что люди, сидящие в высоких кабинетах, привычны к прохладному климату, что способствует некоторой атрофии органов чувств, но ведь не настолько же!

Единственное, что подчеркивало драматичность ситуации, так это образовавшаяся пауза. С каждой секундой, проведенной в молчании, пропасть между ними все более увеличивалась, Георгий Волостнов почти ощущал ее физически, – сделаешь шагок вперед, да и бухнешься в яр, так что костей не соберешь.

– И вы знаете, кто его должен совершить? – хладнокровно поинтересовался Федор Анатольевич.

– Знаю, – отвечал Волостнов, положив на стол папку. – Мы здесь провели кое-какие исследования. Вам они могут показаться всего лишь косвенными. Но отмахнуться от них нельзя.

– Вы можете оставить эту папку для анализа?

– Я привез ее для вас, здесь все выкладки.

– Отлично! Мы ее изучим, а теперь расскажите в двух словах суть дела.

– Если в двух словах... Вы что-нибудь слышали о Копье судьбы?

– По-своему первому образованию я учитель истории, – скромно отвечал хозяин кабинета, едва улыбнувшись. – Так что о Копье судьбы я знаю достаточно. Это одна из главных христианских святынь.

Кивнув, Волостнов отвечал:

– Совершенно верно. Наверняка вы знаете, где оно находится?

– Копье находится в Вене, в Хоффсбургском музее, – проясняя терпение, отвечал он. – Только хотелось бы знать, какое отношение копье имеет к покушению на Президента.

– Самое непосредственное. Наберитесь, пожалуйста, терпения, выслушайте меня. Вы можете представить, что это копье находится не в Австрии, а в России?

Сейчас Литвинов улыбнулся широко, показав великолепные зубы.

– Не могу. Во время войны Священное копье помещалось в Нюрнберге, а как мы знаем, этот город был оккупирован американцами, и копье досталось им. Австрия попросила американское командование вернуть Копье судьбы в Вену, их просьба была удовлетворена, и в 1946 году раритет был передан бургомистру Вены.

На какое-то время на лице Литвинова отобразилась скука. Чудаки – это национальная болезнь. В России они встречаются на всех уровнях власти. Немало их и в силовых ведомствах, остается только удивляться, как ему удалось прорваться через кордон бюрократических препон и оказаться в этом кабинете.

– Так оно и было в действительности. Но у меня есть серьезная информация, что копье подменили и в Хоффсбургском музее лежит всего лишь копия, а настоящее копье находится в России.

– И каким же образом оно было подменено?

– Я тут изучил кое-какие документы... Сталиным была поручено провести секретную операцию, цель которой – подменить настоящее копье на фальшивое, а подлинное доставить в Москву. Именно эта фальшивка была впоследствии обнаружена американцами. Каким-то образом настоящее копье было потеряно, но через десятилетия оно всплыло в частной коллекции одного генерала. Его недавно ограбили, а копье опять бесследно исчезло.

– Интересная подробность. И кто же заказал ограбление?

– По нашим оперативным данным, заказал это ограбление один из высших чиновников, он входит в ближайшее окружение Президента.

– Вот оно что. Кажется, я вас понимаю. Вы хотите сказать, что человек, заполучивший это копье, будет стремиться к верховной власти?

– Именно это я и хотел сказать. История этого копья знает немало примеров, когда заурядные люди, заполучив его, становились императорами, а что тогда говорить о человеке, который находится от Президента всего лишь на две, а то и на одну ступень ниже...

Приложив палец к губам, Федор Анатольевич сделал круговое движение пальцем, давая понять, что в кабинете могут быть установлены подслушивающие устройства. Что же это за система такая, если совершенно никому нельзя доверять!

– Значит, вы предполагаете, что зреет государственный заговор?

– Это не я предполагаю, на это указывает история копья. А отмахнуться от таких фактов было бы недальновидно.

– Вы совершенно правильно сделали, что пришли к нам. – Хозяин кабинета поднялся, давая понять, что беседа завершена. – Я обязательно изучу подготовленные вами материалы. – Протянув руку, он крепко пожал ладонь, добавив: – Вас проводят.

* * *

Оставшись в одиночестве, Литвинов закрыл глаза. А ведь как благоприятно складывался день: еще утром договорились с женой пойти в ресторан, чтобы отметить пятнадцатилетие их знакомства. За все это время они ни разу не пропустили столь знаменательную дату. И тут... Видимо, придется позвонить и сообщить о том, что торжество переносится. Женщина она умная, поймет!

Федор Анатольевич уже потянулся к аппарату, как прозвучала телефонная трель.

– Слушаю.

– Федор Анатольевич, какие у тебя планы на воскресенье?

Внутри будто бы кипятком обожгло. В совпадения он не верил. Не исключено, что в его кабинете поработали специалисты из смежных служб, вставили куда-нибудь «клопика», практически невидимого для приборов, и сразу по завершении разговора доложили хозяину, а уж тот решил предпринять превентивные меры. Вот только имен названо не было.

– Знаешь, Семен Георгиевич, решили с женой отметить наше знакомство. Это у нас своеобразная традиция, она не поймет, если перенесу.

– Жаль... А то, знаешь, приезжай как-нибудь ко мне, я тебе такую рыбалку устрою, ты такой сроду не видывал!...

– Хорошо бы...

– ...Места у меня великолепные, почти заповедные, природа красивейшая.

– Семен Григорьевич, о твоей усадьбе много говорят, непременно наведаюсь, знаешь, давай через воскресенье. Тебя это устраивает?

– Вполне. В общем, договорились.

Федор Анатольевич с облегчением положил трубку и почувствовал, что изрядно вспотел. Вот чего стоит один только двухминутный разговор. А сколько же их приходится вести за день! Это только снизу кажется, что в высоких кабинетах тишь и благодать, а в действительности тут такие шторма гуляют, что не только шляпу могут сдуть – голову с легкостью оторвут.

Следовало все грамотно взвесить и трезво оценить создавшуюся ситуацию, чтобы впоследствии не пожалеть о плохо просчитанных действиях.

Правая рука лежала поверх папки, вот только открывать ее не было желания. Если сказать, что внутри находилась бомба, значит, выразиться неточно. Никаким тротиловым эквивалентом невозможно отобразить последствия того, если подтвердится хотя бы половина из сказанного Волостновым. Полетят такие головы, что собственная покажется всего-то кочаном капусты!

А может, просто бросить в мусорную корзину злополучную папку и позабыть о состоявшейся встрече? Пришедшая мысль невольно развеселила, Литвинов даже посмотрел на мусорное ведро, стоявшее подле рабочего стола.

Пора приступать! Чего же сидеть без дела? Открыв первую страницу, он посмотрел на фотографию Родыгина, сделанную крупным планом. Лицо мужественное, обычно такие люди запоминаются. А вот далее последовал подробнейший отчет о проведенном расследовании, и чем далее он вчитывался в текст, тем серьезнее становилось его лицо. Перевернув последнюю страницу, Федор Анатольевич надавил на кнопку коммутатора и распорядился:

– Николай, зайди ко мне.

Не прошло и минуты, как дверь распахнулась, и в комнату вошел мужчина лет тридцати в темно-сером костюме. Остановившись у порога, он спросил:

– Вызывали, Федор Анатольевич?

С первого взгляда молодой человек производил благоприятное впечатление. Одет был со вкусом, в темно-серый костюм из тонкой дорогой ткани, на которой едва просматривались белые полоски. Небольшие очки в изящной дымчатой оправе только подчеркивали его интеллигентность. Серые умные глаза смотрели внимательно и с некоторой настороженностью. Своей задумчивостью он напоминал теоретика-физика, погруженного в загадочный мир формул.

– Вызывал. Давай, Николай, мы с тобой прогуляемся. У тебя есть для меня минут десять?

Вопрос был задан чисто риторически. Тот не посмел бы отказать непосредственному начальству, даже если бы опаздывал на самолет.

– Ну конечно.

– Тогда пойдем. Утром на улице было прохладно, как сейчас?

– Похоже, что ветерок, – охотно отозвался Николай.

Разговор можно было продолжить в кабинете, но хотелось избежать случайностей: не исключено, что служба безопасности могла просмотреть крохотного «жучка», и тогда последствия оказались бы самыми плачевными. Когда ведешь столь тонкие игры в самых верхних эшелонах власти, то требуется большая бдительность. У каждого влиятельного человека имеется собственная разведка и контрразведка, и такую особенность следует учитывать. В нагрудном кармане плаща Литвинов всегда держал небольшой прибор, защищавший от прослушивания. Устройство заявляло о себе легкой вибрацией, как только в поле его деятельности оказывались радиоволны, исходящие от записывающих устройств. Несколько раз крохотный прибор сумел уберечь его от больших неприятностей.

А может быть, даже спас ему жизнь...

Сунув папку в кожаную сумку, Федор Анатольевич снял с вешалки плащ и вышел в приемную. Посмотрев на помощника, взиравшего на него с ожиданием, коротко бросил:

– Скоро буду.

Не проронив ни слова, прошли по коридору, спустились по пологой лестнице. Предупредительный лейтенант распахнул дверь. Оказавшись на улице, Федор Анатольевич понял, что с плащом не прогадал, на улице было зябко, а серые клочковатые тучи, собравшиеся над головой, грозились разродиться ливнем.

Перешли улицу и направились к тенистому бульвару – излюбленному месту влюбленной молодежи. Вряд ли здесь будут установлены подслушивающие устройства, – кроме вздохов на скамейке тут ничего не услышишь. Направленный микрофон также бесполезен: мешают разросшиеся кусты, да еще и аллея из двух рядов тополей.

Федор Анатольевич прикоснулся к внутреннему карману плаща, где находился брелок. Обстановка была мирная, располагающая, ничего настораживающего, просто сработала профессиональная привычка перепроверяться. Пригревшись на груди, антижучок молчал.

Присмотрев широкую лавку под каштаном, Федор Анатольевич направился напрямик туда. Небрежно смахнув ладонью опавшие листья, присел. Рядом, подтянув пальцами на коленках натянущуюся ткань, расположился Николай.

Вытащив из сумки папку, Федор Анатольевич протянул ее собеседнику.

– Взгляни.

Привычно подправив указательным пальцем сползающую оправу, помощник открыл папку. Правый уголок губ, натолкнувшись взглядом на знакомую фотографию, дернувшись, пополз вверх.

Николай был хорош тем, что ему не нужно было объяснять задачу, он умел понимать с полуслова. Такую особенность интуицией не назовешь, прежде всего, он был очень здравомыслящим. Возможно, где-нибудь в другой сфере Николай сумел бы сделать неплохую карьеру. Например, мог бы изобретать летательные аппараты, искать разгадку в сложнейших математических формулах или заниматься хозяйственными вопросами, но он предпочел рискованную судьбу, поступив на службу в контору, а раз так, то обязан подчиняться установленным правилам – быть стандартным винтиком в сложнейшей машине. Правда, винтиком оказался хорошим, никогда не прокручивался, а свое задание обставлял таким образом, что его в пору было заносить в специальные учебники. Собственно, за это его и ценили.

– Значит, он?

– Именно.

– Честно говоря, я полагал, что должно было закончиться именно таким образом.

Федор Анатольевич с любопытством посмотрел на сотрудника: а вот это что-то новенькое, прежде разговоры на отвлеченные темы не практиковались. Интересно послушать.

– Почему?

– Он не укладывался в привычную схему и всегда имел собственное мнение. Такое могли позволить себе очень немногие. Строптивых у нас не любят.

Очки сползли вновь: поверх дужки на него глянули пронзительные требовательные глаза. Теперь он понимал, почему Николай прятал взгляд за дымчатыми стеклами. Ведь не близорук!

– Он тебе нравится?

Всего-то небольшая пауза, врать после которой не имело смысла.

– Признаюсь, что так. Выступал он очень толково. И по существу.

Нахмурившись, Федор Анатольевич произнес:

– Ты только об этом никому не говори, кроме меня. Неизвестно, как могут расценить. Так что все личные мотивы брось, и нужно заниматься тем, что приказано.

Вернув папку, Николай произнес:

– Я готов.

– Вот и отлично. Тебе придется съездить в тот район, где он живет. Предупреждаю, у него не дом, а целый укрепрайон, так что убрать его будет непросто. Но сначала изучишь все тщательнейшим образом.

– Акцию нужно провести именно в доме или где-нибудь в другом месте? Ведь он часто бывает по делам в Москве.

Отрицательно покачав головой, Федор Анатольевич отвечал:

– Нет. Это стало бы очевидно, и будет напоминать демонстративную акцию. Нам это совершенно не нужно. Пусть думают о том, что, кроме Москвы, у него еще полно всяких недоброжелателей.

– Понимаю. Можно задать вопрос?

– Слушаю, – без видимой охоты согласился Федор Анатольевич.

– Почему его просто не уволить? Пока я полистал эту папку, понял, что оснований для этого вполне достаточно.

– Признаюсь, я и сам задавал себе этот вопрос. Но потом осознал, что это совсем не тот случай, когда можно было бы избавиться от него одним росчерком пера. За ним стоят весьма серьезные силы, с которыми считается ближайшее окружение Президента. Он уже далеко не соринка, которую можно смахнуть с рукава. Кроме того, чрезвычайно популярен. Просто так не получится. Люди, которые его поднимали, допустили большую ошибку. Он не только подмял их, превратив в своих марионеток, но теперь метит на роль национального лидера. А здесь, сам понимаешь, угроза государственным интересам. Так что устранение – наиболее целесообразный выход. Еще вопросы будут?

Неприятно и очень неожиданно в нагрудном кармане завибрировал брелок, обнаружив радиоактивное поле. Не показывая навалившихся недобрых чувств, Федор Анатольевич аккуратно посмотрел по сторонам. Почти все лавки были свободны (в дневное время бульвар был не столь популярен), на ближайшей расположилась молодая пара; скамейку через дорожку занял старик, что-то усердно чертивший кончиком трости по асфальту. Радиочастоты могли исходить только с этой стороны. Но вот кто из них?

Молодая пара слишком занята собственными желаниями. Кроме того, он с Николаем подошел к лавке почти одновременно с молодыми, опередив их на какую-то минуту.

Остается старик.

С точки зрения оперативной работы выбор сделан грамотно. В силу возраста на дедулю вряд ли кто обратит особое внимание, зато опыт у него, должно быть, гигантский. В конторе любят для разовых дел привлекать вот такие несъедобные грибы. Старик появился сравнительно недавно. Поначалу простаивал немного в сторонке, о чем-то соображая, а потом решил разместиться на противоположной скамейке. Как только присел, решил включиться в игру. А расстояние между скамейками вполне достаточное, чтобы записать разговор.

Правда, остается неясным, кто же против него на этот раз решил работать? Какая-то третья самостоятельная сила или все-таки решили подстраховаться свои и устроили некоторый тест на вшивость? Ладно, со временем выясним.

Скучно улыбнувшись, Николай отвечал:

– Все понятно. Когда приступать?

– Считаю, что ты уже приступил. Можешь выезжать уже сегодня. Пойдем, – поднялся со скамьи Федор Анатольевич, зябко поежившись, – что-то стало прохладно.

Вибрация прибора прекратилась. Не удержавшись, Федор Анатольевич обернулся: по аллее, опираясь на трость, ковылял долговязый непримечательный старичок. Весьма безобидное создание.

Глава 7 ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

1277 год, 25 сентября

Обратная дорога до земель Священной Римской империи оказалась более долгой, чем предполагал маркиз. На всем протяжении пути к ним на встречу выходили паломники и, молясь, просили показать Священное копьё. Жители городов толпами высыпали на улицы и, обступив отряд крестоносцев, требовали погостить у них хотя бы некоторое время. В это время Копьё судьбы выставлялось в соборе под усиленной охраной, а когда срок пребывания заканчивался и обоз двигался дальше, то сотни паломников провожали рыцарей до следующего селения. Так было на всем протяжении нелегкой дороги.

Удивительно, но им ни разу не повстречалось воинство сарацинов, а немногие отряды, что порой пересекали дорогу, спешили свернуть в сторону. Никто не сомневался в том, что их обоз находится под покровительством Священного копья.

К дворцу императора маркиз Жак Перек подъехал через год. Сутки ему были даны на то, чтобы привести себя в порядок после длительной поездки, а на вторые он был вызван в королевский дворец.

Король Рудольф сидел на троне и казался как никогда далеким. Маркиз бережно держал в руках реликвию.

– Я привез вам Священное копьё, ваше величество, оно было утеряно во время Второго Крестового похода.

Приняв копьё, король сказал:

– Расскажите мне, что произошло.

Тщательно подбирая слова, маркиз поведал императору о событиях, приключившихся в крепости Манцикерт. Иной раз по лицу короля, обычно совершенно безмятежному, блуждала лукавая улыбка.

– Значит, монах умер на третий день? – наконец задал Рудольф первый вопрос.

Император держал в руках Копьё судьбы и придирчиво рассматривал его со всех сторон. В этот момент он напоминал недоверчивого купца, которому хотя бы всучить залежалый товар. Король ковырял наконечник пальцем, подносил близко к глазам, пытаясь рассмотреть какие-то мельчайшие детали, разве что не пробовал его на вкус.

В лице Рудольфа ничего похожего на волнение или душевное трепетание. Подбородок чуток дернулся, обозначив две длинные кривые складки – мягкий след скепсиса. Внешний вид наконечника никак не укладывался в представление о святине, обладанием которой так неистово бредили самые могущественные государи Европы.

Вот драгоценный металл, опоясывающий среднюю часть копья, отчего-то произвел на него куда более сильное впечатление, чем покореженное железо, – Рудольф даже прочертил по нему огромным рубином, вправленным в перстень, и придирчиво всмотрелся в оставленный след.

Золото было высшей пробы, и тот, кто его выплавлял, хорошо разобрался в благородных металлах. Во всяком случае столь насыщенную плавку ему лицезреть не приходилось, вот разве что золото на собственной короне.

Маркиз видел, что королю Рудольфу трудно было поверить в то, что этот небольшой кусок железа безжалостно перекраивал границы государств, разрушал целые империи и столь же легко образовывал новые.

Должно пройти время, чтобы осознать великое. Король просто до этого не дозрел.

– Да, ваше величество, на третий, как он сам и предсказывал, – охотно отвечал маркиз Перек.

Король бережно уложил копьё на стол. Он принял решение: придется поверить в то, что это действительно Копьё судьбы, человеку без веры жить нелегко.

– Он сильно мучился?

– Только первый день... Потом боль его оставила, и он тихо скончался. Перед самой кончиной постоянно вспоминал короля.

Король Рудольф выглядел удивленным:

– Он думал обо мне?

Маркиз уже давно взял себе за правило – быть искренним даже с самыми великими:

– Нет, ваше величество, он все время думал о короле Фридрихе Барбароссе. Находясь в бреду, он постоянно с ним разговаривал.

Рудольф поморщился.

– И вы верите, что в него действительно вселялся дух Фридриха Барбароссы? – скептически спросил король.

Слишком напряженно ожидал ответа король, излишне остро буравил его лицо тяжелым взглядом. Вот он значимый момент, когда от сказанного зависит будущее. А может, стоит рискнуть и попробовать пройти по самому краю пропасти?

Глубоко вздохнув, маркиз отважился. Даже короли нуждаются в откровенном ответе.

– Я в этом убедился не однажды, ваше величество, – сказав главное, маркиз почувствовал облегчение. – В какой-то момент у него даже менялся голос, как если бы его устами вещал сам король Фридрих.

Рудольф брезгливо поморщился: чего только не наслышишься от этих лежковерных придворных.

Монаршая длань успокоилась на золотой муфте копья, теперь он с ним ни за что не расстанется.

Личность почившего монаха его больше не интересовала, вряд ли он даже помнил его имя, хотя маркиз произносил его трижды. Короли в отличие от простых смертных привыкли общаться сразу с целыми народами.

– Значит, это и есть то самое Копьё судьбы?

– Я в этом уверен, ваше величество.

Вернувшись в замок после долго отсутствия, маркиз еще целые сутки дожидался супругу. Слуги, встречавшиеся с маркизом взглядом, лишь стыдливо отворачивали взгляды и неловко пожимали плечами, когда он интересовался о пребывании хозяйки. Никто из них не отважился ему сказать, что его рога стали настолько огромными, что многочисленными отростками он «расцарапал» в зале дворца все потолки. Но худшее произошло сразу с появлением маркизы: ловко увернувшись от объятий нежданно вернувшегося мужа, она сообщила о том, что ждет ребенка, и в их положении было бы лучшим – воздержаться от близости.

Маркиз едва сдержал стон, вырывавшийся из груди. Жену он по-прежнему любил, несмотря на многие ее слабости. Шесть лет они не могли зачать ребенка, но стоило благоверной угодить в королевские объятия, как она тотчас объявила о своей беременности. Маркизу стоило большого труда, чтобы до конца выслушать неожиданные признания и не поддасться причинному гневу. Он даже отважился на шутку, заявив, что беременность ей очень к лицу.

Интересно, а говорила ли она королю о своей беременности? Впрочем, для Рудольфа подобная весть малоинтересна, – по всему королевству у него растет великое множество отпрысков, которые даже не подозревают, кто в действительности их настоящий отец.

Маркиз невольно сжал зубы, пытаясь справиться с болью, распекавшей грудину.

– Вы что-то сказали, маркиз? – удивленно спросил король.

К маркизу мгновенно вернулось самообладание:

– Да, ваше величество. Я сказал, что под золотой муфтой, опоясавшей Копье судьбы, отчетливо различимо имя первого хозяина копья.

– Вот как? Это римский центурион Гай Кассий?

– Да. Впоследствии ему дали имя Лонгина.

Пальцы короля, унизанные золотыми перстнями, в задумчивости вцепились в кончик носа. Огромный изумруд царапнул по коже, и на щеке у короля выступила капелька крови. Но, кажется, Рудольф Габсбургский этого не замечал.

– Это уже кое-что существенное. Думаю, что от таких вещей невозможно отмахнуться.

Копье судьбы может стать существенным козырем в его борьбе против строптивых герцогов. Королю следует проводить собственную политику в укреплении имперского имущества, в противном случае можно совсем остаться без государства. Первое, что следует предпринять, – созвать рейхстаг, где могут высказаться представители всех семейств. Это будет первый серьезный шаг к объединению земель. Лучше всего для таких целей подходит Нюрнберг.

– Какова судьба этого Лонгина? – спросил король, отрешившись от дум.

– Она сложилась драматически. Некоторое время он был начальником стражи одного из дворцов цезаря Тиберия. Потом неожиданно для всех принял христианство. Сам цезарь уговаривал отречься его от веры, но из этого ничего не получилось. Тогда он прогнал его от себя и повелел никогда не показываться ему на глаза. Гай Кассий направился в Германию, откуда был родом. На всем пути к дому он проповедовал христианство, за что неоднократно был бит. Впоследствии его пытали, выбили все зубы, посадили в клетку к львам-людоедам. Но каким-то странным образом звери его не разорвали. Центурион сказал, что все это время он молился, поэтому они его не тронули. Когда стало ясно, что он не отступится от избранного пути, его просто забили насмерть.

– Значит, вы говорите, что этот Гай Кассий был германцем?

– Именно так, ваше величество, – охотно отвечал маркиз. – Местечко, откуда он родом, находится недалеко от Нюрнберга.

– Вот даже как... Теперь я знаю, что буду делать с этим копьем. Оно будет находиться там, где ему и предназначено судьбой, в Нюрнберге! Вы хорошо справились со своим поручением, маркиз, правда, не выполнили главного моего приказа...

Маркиз сглотнул горький ком.

– Какого именно, ваше величество?

– Вы не убили монаха Григория, он умер собственной смертью.

– Ваше величество, я как никто верен вам, что и доказал не однажды. А не убил его сразу только потому, что мне следовало проверить подлинность Копья судьбы, без этого монаха я не сумел бы этого сделать.

– Вы меня удивляете, маркиз, неужели вы по-прежнему верите в то, что в какого-то монаха мог вселиться дух великого Фридриха Барбароссы?

– Поначалу я сам в это не верил и был готов в точности исполнить ваш приказ, но потом убедился в том, что он не лукавит. Он говорил о таких вещах, которые должны быть известны только королю. Я их перепроверял, и монах всякий раз оказывался прав.

Король скорбно покачал головой, – расставаться с преданным слугой было жаль.

– Как странно устроены подданные: одни готовы умереть потому, что уверовали во Христа, другие спешат на плаху лишь затем, что верят какому-то безродному монаху, в которого якобы вселилась душа императора. Но это не единственное ваше прегрешение.

– В чем же я виноват перед вами, ваше величество?

– А в том, что вы придушили барона Паппенхайма, – грустно сообщил король.

Только сейчас маркиз увидел, что в Тронном зале они находились не одни. Из боковых дверей один за другим вошло четверо слуг: при короле они исполняли роль штатных инквизиторов. Не всякому суждено было видеть их лица, маркиз же знал каждого из них. Так уж

сложилось, что именно он подобрал их среди городского дна для тайных королевских поручений, потому что даже самый последний злодей не желал становиться штатным палачом. Но кто бы мог предположить, что они сумеют сделать карьеру при дворе короля и станут носить дворянские одежды.

Неужели осмелятся?

Каждый из них обязан был ему и жизнью. Век таких типов чрезвычайно короток, – не окажись он однажды в таверне, где они проматывали последние награбленные гроши, быть бы им зарезанными в одной из пьяных драк.

– Ваше величество, вы, наверное, забыли, но я действовал строго по вашему приказу.

Король грустно вздохнул:

– Вот еще одно преступление, маркиз. Вы порочите своего короля, да еще в присутствии вот этих уважаемых господ, – показал он рукой на вошедших палачей. Бродяги сдержанно рассмеялись. – Что обо мне могут подумать подданные, если ближайшие вассалы будут говорить подобные вещи? Неужели вы не знаете о том, что даже король не вправе чинить самосуд. Для этого имеется суд! Если вы помните, маркиз, герцог Баварский бросил своего наследника в темницу только за то, что он убил простолоудина. Вот у кого следует поучиться справедливости. – Сделав небольшую паузу, король продолжил, оторвав ладонь от подлокотника: – И еще я хочу сказать, вы убили соперника, но где гарантия в том, что вы не захотите сделать со мной того же самого? – И, подмигнув по-дружески, спросил: – Но вот, признайтесь, уважаемый маркиз, неужели вы не примеривали мысленно эту удавку к моей шее? Молчите... Вот то-то и оно! – Неожиданно расхохотавшись, продолжил: – А о ребенке не беспокойся. Он не будет бедствовать, я не бросаю своих детей. Ну и сладкая же у вас женушка! Ну, чего встали, болваны! – грозно прикрикнул Рудольф на слуг. – Придушите его, не королю же заниматься подобными вещами!

– Я отправлю всех вас в ад, гнусные бродяги, откуда когда-то вытащил! – выхватил маркиз кинжал из-за пояса. – Может, я и рогоносец, но по-прежнему рыцарь, и никто не отнимал у меня этого звания. Я еще постою за свою честь!

Взяв маркиза в полукруг, бродяги принялись теснить его в угол тронного зала, откуда уже не было выхода. Вместо кинжалов они сжимали обыкновенные кривые ножи, какими привыкли орудовать в городских подворотнях. Хищно скалясь и ловко перебрасывая ножи из одной ладони в другую, они шаг за шагом загоняли его в угол, отбирая площадь для маневра.

– Сейчас мы тебя проучим, рогоносец, – произнес тот, кто стоял ближе других. Остальные довольно засмеялись.

Отступать более было некуда. Маркиз встал, распрямившись в немалый рост.

Бешеную собаку невозможно приручить, так и нищенствующий сброд никогда не бывает благодарен поданному куску хлеба. Их просто следует наказывать по всем правилам. И маркиз первым бросился в атаку, выбросив вперед руку. Заточенный клинок угодил в горло подступившему бродяге. Из раны, заливая камзол, обильно хлынула кровь. Подхватив свободной рукой выпавший нож, маркиз, злобно стиснув челюсти, успел повернуть заточенное лезвие и услышал, как затрещала трахея.

Маркиз безгласно поморщился, так случается, когда наступаешь на таракана.

– Подойдите поближе, твари! И я с радостью отправлю вас в преисподнюю! – через стиснутые зубы проговорил маркиз.

Двое бродяг шагнули вперед, выставив ножи. Изловчившись, маркиз юркнул под их ладони и выкинул вперед обе руки. Почувствовал, как заточенная сталь мягко и охотно вошла в их податливые тела. И прежде чем они рухнули на землю, он увидел их глаза, наполненные ужасом.

– Это вам не удары в спину, подлое отребье, – негодовал маркиз. – Будете знать, как нападать на рыцаря.

Оставался последний, с ужасом наблюдавший за тем, как бродяги, зажав ладонями вспоротые животы, опускались на мозаичный пол после нескольких нетвердых шагов. В его расширенных глазах плескался ужас.

– Ты думаешь, я дам тебе шанс на спасение? Ничего не получится, – наступал рыцарь на бродягу. – Жаль, что я не рассмотрел тебя раньше, мне нужно было убить тебя тогда, когда я выкупал твою грешную душу за две золотых монеты.

Взгляд бродяги устремился в сторону короля, изваянием восседавшего на троне. Все происходящее к нему не имело никакого отношения, Рудольф был выше развернувшейся бойни.

Подняв высоко нож, бродяга с отчаянностью обреченного бросился на маркиза. Подпустив нападающего вплотную, маркиз отбил запястьем падающую на него руку, а другой с размаху всадил кинжал в бок.

– Bravo! – Король громко захлопал в ладоши. – Это презабавное представление, которое я буду помнить долго. Маркиз, вы повеселили меня, я никогда не думал, что вы такой отчаянный рубака. Может быть, таким же образом вы хотите убить и своего короля? – В словах Рудольфа прозвучало откровенное издевательство.

Швырнув брезгливо окровавленное оружие, маркиз произнес:

– Королей не выбирают, они даются нам свыше. Вот только жаль, что выбор царя небесного не всегда самый удачный.

Лицо короля смялось в злобную гримасу. Правая рука, оторвавшись от подлокотника, на некоторое время повисла в воздухе, собрав на перстни свет полыхающих факелов. Затем средний палец слегка дрогнул, и зеленый свет от изумруда упал на лицо рыцаря:

– Ступайте, маркиз... Чего вы стоите? – Губы короля неприязненно дрогнули: – Может, вы ожидаете от меня извинений?

Губы маркиза разошлись в веселой улыбке: вот он – миг торжества. Не нужно быть принцем крови, чтобы одержать победу над королем, достаточно всего лишь обыкновенной учтивости.

Поклонившись, маркиз направился к двери.

Сделав несколько шагов, он явственно услышал за спиной скрип отворяемой двери. Это была потайная дверь, которая располагалась сразу за тронном короля. О ней мало кто знал, но маркиз входил в число посвященных. Почувствовав неладное, он хотел обернуться, но в этот момент нечто невероятно сильное ударило ему в спину, заставив упасть на колени. Маркизу захотелось взвыть от боли, но сил хватило только на ничтожный сип.

Обернувшись, маркиз увидел короля, по-прежнему сидящего на троне. Рядом с ним стоял один из его оруженосцев.

– Надеюсь, вам не очень больно, маркиз? – участливо поинтересовался король Рудольф.

Собравшись с силами, маркиз отвечал:

– Не беспокойтесь, ваше величество.

– Ты умрешь.

– Я знаю.

– Это то самое Копье судьбы.

Лицо маркиза скривилось в болезненную гримасу:

– Значит, мне повезло... Никогда бы не подумал, что придется умирать в Тронном зале от удара Копья судьбы, да еще на глазах у самого короля! – Лицо маркиза слегка разгладилось. – О таком почете не может мечтать даже самый преданный подданный. Извините, ваше величество, что у меня не остается сил для поклона.

Едва договорив последние слова, маркиз рухнул на пол.

Глава 8

ВЫХОДИМ НА ПЛАН «Б»

Особняк Родыгина и в самом деле напоминал настоящую крепость: кроме высокой кирпичной стены, что охватывала сопку, имелась еще смотровая башня, с которой можно было обозревать окрестность на несколько миль вокруг. Так что глуповато было подбираться к особняку с винтовкой наперевес или мастерить снайперское гнездо где-нибудь на вершине дерева, – высчитают в течение пятнадцати минут. Оставалось придумать что-нибудь поубедительнее.

Пожалуй, это было самое сложное задание, которое ему доводилось выполнять за последние три года. Разумеется, у него были поручения и посложнее, например, когда приходилось лежать на мерзлой земле по три дня кряду, не шелохнувшись, но то боевые условия. К ним привыкаешь. Здесь же следовало действовать несколько изобретательнее. Нужно быть готовым к тому, что охрана подготовлена не хуже, а следовательно, просчетов не простит.

Нечего было думать о том, чтобы перелезть через заборы, между которыми без усталости курсировали четыре кавказские овчарки, – порвут! Преодолеть контрольные пункты под благовидным предлогом тоже нереально, – вычислят сразу. И светиться у объекта невозможно – местность пустынная, соседняя деревенька немногим более чем за три версты, так что всякий путник виден как на ладони.

Оставалось пойти по грибы, авось что-нибудь прояснится. Лесок хоть и небольшой, но народ туда захаживает, так что подозрения ни у кого не вызовет. А самое главное, он находится поблизости от строений.

До леса, чтобы не привлекать к себе внимания, Николай добрался на неброской «Ниве» (весьма популярный транспорт на селе) и, выбрав небольшой косогор, стал наблюдать за усадьбой Родыгина через бинокль. Виден был только небольшой уголок двора и часть построек, где располагалась прислуга. Каменный забор длинной лентой спускался к самой реке, отбирая значительную часть пляжа. Нечего было и думать о том, чтобы достать хозяина с этого угла, наверняка он даже не заглядывает в дальнюю часть своего поместья. Знать бы про его режим, тогда можно было бы отыскать слабое место, а так приходится действовать вслепую.

– Наблюдаешь о том, как люди живут? – услышал Николай за спиной простуженный голос.

Первая мысль, что пришла Николаю, так это досада на себя. Он так увлекся созерцанием усадьбы, что даже не заметил, как к нему подошел враг и теперь мог брать его голыми руками. Прежде подобных оплошностей он не совершал, вот что значит отвык от боевой обстановки.

В следующее мгновение в нем проснулись боевые рефлексy.

По голосу Николай определил, на каком расстоянии находится от него говоривший, прекрасно осознавая, что следует делать в следующую секунду. Даже если на него направлен ствол, то у него останется мгновение в запасе, чтобы развернуться в нырке и еще в полете вцепиться пальцами в глотку врагу. Хуже всего, если противников двое, – второй обычно стоит немного в стороне и контролирует ситуацию, а значит, все это время он будет находиться у него под прицелом.

Следует исходить из худшего. К нему не приближаются, оттого что предполагают его боевые возможности. Хотят взять в плен, иначе он давно бы лежал в траве с простреленным черепом. Из этого выходит, что у него есть возможность побороться за жизнь. Бинокль при грамотном обращении может стать хорошим оружием: развернувшись, его нужно бросить в лицо приближающемуся и, не теряя драгоценных мгновений, выхватить нож, что был спрятан у пояса, и накинуться на второго.

Пальцы Николая слегка скользнули в сторону висевшего ножа. Ну чего же вы ждете? Приближайтесь! За спиной – ни шороха.

В следующую секунду раздался все тот же спокойный голос:

– А прежде-то как было... Красота... Вокруг никого! А вот на самой вершине, где этот домина стоит, ягодная поляна была. А какая там вкусная росла клубника, – восторженно звучал за спиной умиротворенный голос.

Невольно расслабившись, Николай повернулся. В нескольких метрах от него стоял дедок лет шестидесяти в стареньком защитного цвета плаще, на правом согнутом локте висело лукошко векового облика, до самого верха заполненное белыми грибами. Типичное порождение дачной местности. Обычно у таких, как он, грядки всегда в полном порядке, а погреб до самой крыши заполнен всевозможными соленьями. Типичное божье создание, не теряющее надежды провести последние годы в сытости.

Невольно улыбнувшись прежним страхам, Николай произнес, уложив бинокль в сумку:

– Живут же люди! Любо-дорого смотреть.

– При таких-то деньгах, как у него, как не жить, а мне вот как бы до пенсии не подохнуть!

– Тоже верно. А кто живет в этих хоромах?

– Да пес его знает! – в сердцах проговорил дедок, положив корзину на траву. Старичок оказался словоохотливый, не прочь вступить в обстоятельный разговор, он вытащил из кармана пачку сигарет и предложил одну Николаю: – Будете?

– Воздержусь, уже год как бросил, – честно признался он.

– У меня вот не получилось в свое время, а сейчас говорят, что бросать уже поздно, – охотно и умело он разминал пальцами слежавшийся табак. – А вот только дом этот стоит уже лет пять! – Чиркнув зажигалкой, он с наслаждением вдохнул табачный аромат. Николай невольно позавидовал – травиться на природе самое милое дело, чувствуешь, как теплый дымок начинает заползать в каждую альвеолу. – Тут такое строительство было! Охо-хо! Гляньте, – показал он дымящейся сигаретой в сторону дома, – асфальт почти до самого дома, а ведь это каких денег стоит! А стены! Я уж не говорю об охране и прочей прислуге, которая тоже деньги любит. И все это ежедневные траты!

– А этот человек так и живет в этом доме, никуда не выезжает?

– Выбирается. У него во дворе целый автопарк, вот только жалко, биноклем его не рассмотреть. Садится на одну из своих машин и в сопровождении трех внедорожников охраны едет в Москву.

– Боится чего-то.

Сигарета была докурена и ловким щелчком спроважена под куст малины.

– Боится... А как здоровье бережет! – В голосе нового знакомого прозвучала откровенная злость. – Просыпается, так сразу идет к реке, проплывает метров триста брассом и обратно возвращается.

– А ты откуда знаешь? – удивился Николай.

– Как же не знать, если я едва ли не каждую неделю вот в тех камышах рыбачу.

– И что, прямо до тебя плывет?

Старик хихикнул:

– До меня не доплывает, там тины много. Он ведь себе даже отдельный пляж оборудовал, даже не знаю, сколько грузовиков песка привез!

Глянув на часы, Николай воскликнул:

– Ох ты, как время-то бежит. Пора возвращаться. Рад был знакомству.

Подняв лукошко, старик обронил:

– Да и мне уже пора.

Косолапо, опасаясь поскользнуться на сырой траве, он стал спускаться по склону. Хрустнули раздвигаемые ветки, и старик затерялся в густых кустах.

«Стало быть, по утрам совершает заплыв в реке, – хмыкнул Николай, направляясь к машине. – Весьма полезная встреча».

* * *

Рыбаков в этих живописных местах оказалось немало. Еще не рассвело, а резиновые лодки покрывали середину реки. Небольшая группа облюбовала отмель, но особенно много любителей теснилось неподалеку от камышей, где пряталась самая знатная рыба. Затеряться среди них было несложно. Николай расположился метрах в четырехстах вверх по течению от дома, в излучине реки. С этого места хорошо просматривался пляж объекта, где на небольшом известковом останце был выстроен небольшой каменный дом для охраны. Немного поодаль возвышалась деревянная вышка, на которой стоял охранник в камуфляже и придирчиво посматривал в обе стороны реки. Еще двое находилось на берегу: один стоял с удочкой, видно, для того, чтобы не терять время, а другой, присев на корточки, курил. Торопиться им было некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.